

Стреляев С. В.

*Всего лишь
ремесло*

С. В. Стреляев

Всего лишь ремесло

«Издательские решения»

Стреляев С. В.

Всего лишь ремесло / С. В. Стреляев — «Издательские решения»,

Одним ударом сбить ширму с правды, оголить ее до предела, заглянуть в самую суть. Собрать воедино отведенную на жизнь энергию и ударить изо всех сил в одну точку.

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Всего лишь ремесло

С. В. Стреляев

© С. В. Стреляев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

*Где умирает надежда,
там возникает пустота.
Леонардо да Винчи.*

«Тот, кто не видит правды, отворачивается от плохого, не способен почувствовать радости от хорошего; не задумывающийся о смерти проживет жизнь впустую», – теперь он все чаще слышал отца, к нему приходили необычные сны, настойчиво вытесняли привычные грезы, пытались о чем-то намекнуть. Вместо звона монет и вина в красивых бокалах являлась музыка, всплывали картины далекого детства.

Нащупав онемевшими пальцами кнопку, Александр отключил будильник. Он знал, по прошествии трех минут сработает повтор, призванный окончательно вырвать его тело из сна. Но это произойдет после, впереди все еще теплились несколько минут наслаждений в полной темноте. В оставшееся для отдыха время парень пытался уснуть, позабыть предстоящий день. Туман близкого утра то обволакивал сознание, погружая в чуткую дремоту, то заставлял вздрагивать, открывая глаза. В близком окне таилась тьма, пронизываемая ветром. Временами начинал чудиться ожидаемый сигнал. Боясь проспать, он привставал с дивана, слушал тишину, вытягивал из-под подушки фонарь, подсвечивал циферблат часов. Все еще оставалось две минуты. Доносящийся снаружи свист ветра наполнял комнату несуществующим холодом. От одной мысли – «через полчаса придется выйти на мороз и в который раз сразиться со стихией», пробирала дрожь. Кутаясь с головой в одеяло, поджимая под себя колени, Александр пытался найти причину, позволяющую остаться дома. Но тело, вопреки желаниям хозяина, выполняло доведенные до автоматизма действия: звонкий щелчок выключателя – и комнату озарил ослепительно едкий свет. Ночь, подстерегающая за дребезжащими стеклами, сгустившись еще плотнее, отодвинулась вглубь окна.

Звон повторился. Съездившись, продолжая мерзнуть, Александр дотянулся до телефона, снова отключил будильник. Он ненавидел, даже боялся пробуждающие его звуки. Ища спасения, менял мелодию, результат оставался прежним. Наконец, догадавшись, что дело не в самих звуках, а в заложенном в них смысле, вернулся к первому, более спокойному варианту сигнала. И все же, не смотря на невиновность, он продолжал ненавидеть противное пиликанье. Не важно, где и в какое время ему доводилось услышать знакомые ноты, вместе с ними возвращалось и утреннее недовольство. Откинув одеяло, он тут же пожалел о забытом на кресле халате. До заветной теплоты оставалось пару шагов, отвратительно далеких, тяжелых шагов.

Скрипнул старостью покидаемый диван. Освобождаясь от тяжести тела, глухо затрещали пружины. Встав на ноги, парень тут же забрался обратно в постель – отдохнуть за ночь не удалось: кружилась голова, хотелось спать. В разомлевшее тело с трудом возвращалась способность двигаться, а разум, следуя его примеру, отказывался понимать... Остатки ночных видений все еще направляли сознание в сказочные коридоры; в них до сих пор звучала странная музыка. С каждым мгновением проступающей реальности в пустоте терялись несколько нот, путались и без того неясные слова таинственной песни. Вскоре Александру оставалось одно послевкусие да силуэты странных, не спешащих раствориться в рассвете, образов. Они преследовали его весь день, уподобляясь самолетному шлейфу, медленно, не теряя своей остроты, продолжая манить вдаль, расплзались по сторонам.

«Не закрывай глаза, не упускай ничего», – все тише и тише требовал отец, пока Александр совсем не переставал его понимать.

«Я смотрю... только хорошее не торопится. Где же оно заблудилось?» – их беседа всегда заканчивалась одним и тем же вопросом.

Найдя в себе силы, Александр встал и достиг намеченной цели: накинув халат на плечи, грузно упал в освободившееся кресло. Ноги дрожали от слабости, тупая боль завывала во всех суставах, надоедали приступы тошноты. Першило в горле. Дешевые китайские часы на стене отбивали «резиновые» секунды – единственный звук в непроглядной тишине, абсолютно не замечаемый днем. Он ждал, когда, принося новые муки, зазвонит телефон.

– Давай уже, – раздражаясь, обратился Александр к упорно молчавшей трубке.

Услышавший хозяина телефон, разразившись колоколами, пополз по лакированной крышке стола.

– Да, – голос не подчинялся; прокашлявшись, выдал из себя более громкое: – Слушаю.

– Сынок, ты не проспал?

– Сколько раз тебе повторять одно и то же?! Я будильник ставлю. Нет же, все равно звонишь!

Подобные фразы, обозляясь на весь последующий день, Александр повторял каждое утро.

– Поесть сам возьмешь или мне на остановку вынести? – не замечала женщина упреков, или успела к ним привыкнуть.

– У меня девушка есть. Она тоже готовить умеет.

Следовало красноречивое молчание.

«В курсе я, как она готовит», – заменял слова сухой треск в динамике.

– Забыла, что Лита приехала, – сдерживая упреки, вздыхала женщина. – Ну, ты хоть посуду мою с салата принеси. Нашел?

Задав еще парочку ничего не значащих вопросов и получив столько же безликих ответов, Нина переходила к последним новостям и скрупулезно собранным сплетням. Рассказы следовали один за другим, их содержание – обо всем и обо всех подряд, не упускали ни единого знакомого, не брезговали никакой темой. Иногда женщина делала паузу, что-то спрашивала. Не зная, на что сослаться и как поскорее положить трубку, Александр отвечал. Нина же продолжала выводить его из себя и требовала невозможного: не просто отвечать, но и думать, подбирать слова, превращать их в осмысленные фразы.

«Ну, что изменится, если я отвечу по-другому? Если я вообще промолчу? Может в следующий раз отключить телефон? Нет! – поспешно отказывался Александр от заманчивой идеи, так и не успев как следует ею насладиться. – Начнет соседей обзванивать. Сама примчится, не считаясь с расстоянием. А после еще придется придумывать севшую батарею, поломку телефона, проблемы со слухом. Последнее и вовсе ни к чему – потащит к врачу. В нагрузку добьет разговором о пролитых слезах, пережитых волнениях, перенесенной боли в сердце и выпитых флаконах валерьянки... Или что она там принимает? – подобная перспектива отбивала всякое желание поддаться минутному блаженству. – Да и не виновата она», – смягчался Александр – любил родителей, хотя и редко это показывал. Зато в отличие от большинства своих друзей никогда их не стеснялся. Старики платили ему тем же: не злились, не упрекали в неоправданных надеждах и принесенных разочарованиях. «Да, не виновата. Волнуется. А отец так вообще сама сдержанность, без дела не позвонит. Хотя, так... терпит для виду. Тоже скучает... Ей в разведке служить... Наверное, знает, кто убил Кеннеди, если, конечно, знает, кто такой Кеннеди».

Особенно доставало, когда Нина звонила на работу, часто во время обеденного перерыва, и, естественно, не услышав визга пилы, сразу начинала подозревать что-то неладное и обяза-

тельно плохое, часто грозящее катастрофой. На парня тут же проливался град из: «Почему так тихо?», «Ты где находишься?», «И зачем не на работе?»

Как Александр ни сдерживался, надолго терпения не хватало: грубил и через минуту вслушивал бесконечные причитания и обвинения в жестокости. Вот и сейчас, каждое произносимое Ниною слово доставляло ему почти физическую боль, любая мысль, пробирающаяся в голову, норовящая вывести из полусонного состояния, приближала снежную выюгу, напоминала о скорой необходимости выйти на улицу. Сознание отрекалось от действительности, требовало оставить его в покое. Мысли стремились продолжить свой медленный ход в неясном, не требующем никаких усилий направлении. «Сидеть и, не задумываясь, рассматривать всплывающие в голове образы, прилипать к некоторым из них, незаметно для себя возвращаться к предыдущим, выедать их до дна и идти дальше, так ничего и не найдя, так ничего и не ища».

Бросив прощальный взгляд на постель, хранящую следы его тела, Александр, потрогал ее ладонью, ощутил простывающую теплоту. Тяжело вздохнув, вышел в кухню. Здесь казалось еще холоднее. Сварил чашку кофе; стараясь не смотреть на еду, усиливающую позыв к рвоте, сложил кое-что с собой на обед. Закурил сигарету и снова погрузился в созерцательное спокойствие.

Такие же часы, как и в зале, монотонно убивали последние минуты тишины. Все вокруг казалось отвратительным, ненавистным. При каждой затяжке в сигарете похрустывал тлеющий табак. Вспыхивающий огонек выхватывал из темноты, отражал в оконных стеклах лицо парня, добавлял оттенки красного в его карие глаза, разукрашивал румянцем исхудавшее, на самом деле очень бледное лицо. Мелко вздрагивая, длинные пальцы подносили и подносили к губам сигарету. Дым царапал горло, принуждал к кашлю. Сизые клубы, извиваясь, оседали на черную, нестриженную голову. Словно пытаясь сбросить с себя живое существо, Александр размахивал руками, врезался пальцами в густые волосы, с силой дергал застревающую в них руку и, не обращая внимания на поднимающуюся боль, раздирал переплетенные, давно зовущие расческу и шампунь, локоны. Но заниматься собой не было ни желания, ни времени; а сейчас хотелось только одного – вернуться в тепло, зарыться в пушистое одеяло и, ощутив его мягкие прикосновения, уснуть, пусть даже навсегда. В такие минуты смерть манила его за собой, чудилась избавлением, несущим долгожданный покой. Это после, ближе к полудню, жизнь покажется сносной, достойной продолжения...

«Поспал всего четыре часа. Дался мне этот фильм», – повторял Александр в каждое жестокое утро, твердил, что сегодня непременно ляжет раньше, выспится. Затем приходил вечер, забывались утренние мучения, и он снова засиживался допоздна. Начатое давным-давно состязание с самим собой продолжалось. «Ладно бы еще делом занимался... Нет, посмотрел, позавидовал чужому таланту. А сам то что...? По-иному можно себя чувствовать, пусть не выспавшись, зато удовлетворившись сделанным. Глядишь, и другие станут не досыпать, обвиняя мое искусство, проклиная утро. Так нет же, сижу, смотрю черт знает что! Сегодня обязательно займусь работой, и спать!» – пока раскалывалась голова, Александр верил в данные себе обещания.

Выкурив еще одну сигарету, заглянул в спальню. В полумраке, едва разгоняемым ночничком, угадывались очертания спящей девушки. Скрипнув половичками, стараясь не шуметь, подошел ближе. Глаза привыкали к темноте: все отчетливее вырисовывались предметы в комнате, проступали сквозь серость стены, книжные полки, плакаты с вырванными из журналов девушками. Склонившись, Александр различил разбросанные по подушкам каштановые волосы, длинные вздрагивающие ресницы, аккуратные дужки бровей и сводящую его с ума маленькую родинку на щеке, немного выше губ. Все остальное скрывало одеяло, внушительная толщина которого не могла утаить стройность Литеной фигуры. В эти моменты девушка казалась особенно дорогой, особенно прекрасной. Ее легкое дыхание звало за собой, погружало в сон, будило желание забраться к ней под одеяло, прижаться к молодому, гладкому телу.

«Поздно лезть в постель, – еще раз позавидовав спящей девушке, он тут же обозлился на себя: – Напоил холодным вином...». Последнюю ночь пришлось провести врозь, подальше друг от друга: Лита сильно простудилась и легла рано. А потому – еще часок перед телевизором, а затем еще один..., и в итоге ночь на исходе вместе со своими жалкими остатками для сна – ни смысла, ни сил для путешествия в соседнюю комнату – тяжелый сон на жестком диване.

«Когда теперь увидимся?» – Александр решил не выполнять данное ей накануне обещание, передумал будить и прощаться. Поцеловав девушку в красивые губы, оделся и решительно вышел во двор.

– Охраняй тут все, а я пойду.

Узнав голос хозяина, из будки выскочил пес. Александр заглянул в большие глаза, источающие человеческий ум. Медленно перевел взгляд на массивные лапы овчарки. Не без удовольствия потрепал новую, появившуюся к зиме шерсть Грома.

– В ней ты прямо-таки гигант, – вспомнив, вернулся на холодную веранду, наковырял из кастрюли полную миску каши. – Ты хоть трещи, а то как-нибудь голодным останешься... Надо бы тебя отпустить на воле побегать.

Гром молча соглашался с хозяином, помахивая хвостом. Соглашался и надеялся на свободу в тысячный раз подряд.

– Завтра непременно, – давал Александр ему слово и опускал глаза.

Уже становилось неловко за просроченные обещания. А животное, постоянно слыша одно и то же, никак не могло взять в толк сказанного. Слова и слова, как и многие другие, не предназначенные для его понимания, ни разу не подкрепленные хоть какими-нибудь действиями, так и оставались пустыми звуками.

...Тусклое солнце, показавшись на горизонте, обозначило границы земли и неба, разлучило их на время, отведенное дню. За ночь снега прибавилось. Белая гладь, раскрашенная жиденькими лучами, скользящими по поверхности ледяной корки, поблескивала кровавой сталью. Бескрайнее поле куда ни глянь. Редкое деревцо, по ветви занесенное стужей, встречалось на пути, напоминая своим жалким видом о смерти, поднимая в душе беспричинную грусть. Разбросанные в беспорядке груды камней, пугали чернотой, угрожающе поблескивали наледю пик, а в нескольких километрах поодаль виднелась громадина хмурого леса.

Временами казалось, что попал на чужую, заброшенную и забытую в глубинах космоса планету. Лишь редкие следы на белом ковре намекали, что Александр не единственный обитатель ледяной глыбы. Но воображение решало по-своему: «Чем не другая планета?» – твердило оно. Подтверждая безумную мысль, на тусклое светило набегали облака, вылитые из самых печальных тонов. Они стремительно неслись вперед, затем, внезапно притормаживая, поедали испускаемый звездой свет.

Александр снимал перчатку, сверялся с часами: «Утро», – убеждали они, отбрасывая подозрения, что все еще ночь и на небе луна. Сквозь открывшуюся лазейку по руке пробежал холод. Спустя секунду Александр поспешно возвращал на уже одеревеневшие от мороза пальцы недостающую часть своего «скафандра».

«Если не на другой планете, так в Тибете уж точно». Здесь, как и в горах, время тянулось бесконечно долго, не подчиняясь законам природы. Наверху – тысячелетие, в миру – минута. Творящееся кругом совершенно не важно: суета, войны, открытия – да не все ли равно... Здесь проживаются целые вечности, ничего не теряя, ни в чем не проигрывая самой судьбе: даже этой вездесущей пронице не было сюда хода, не разрешалось властвовать над тем, что родилось задолго до нее.

Наблюдая бесконечные россыпи льда, укрытые снегом, в придуманный обман верилось легко, а порою охотно.

...Проваливаясь по колено в снег, остервенело вырывая ноги из цепких объятий природы, он продвигался вперед. Наскакивая на жестокие порывы ветра, то и дело бросающие в лицо кристаллики льда, прикрывался перчаткой и шел дальше.

«Буду идти!» – зло сквозь зубы рычал Александр, не слыша собственного голоса. В особенно трудные минуты он верил, что противостоит живому существу, такому, как он сам: наделенному чувствами, эмоциями и желаниями, по каким-то причинам выливающимися для него в запрет двигаться дальше. Это еще больше обозляло парня, что и придавало настойчивости. Он ненавидел сказочное существо, так немилосердно противостоящее его воле.

«Я сильнее тебя, я не отступлюсь!»

В ответ противник взрывался новыми, более сильными ударами гнева.

«Давай еще, все что ли?» – отворачиваясь, Александр глотал холодный воздух, задышался от наполняющего легкие, выдувающего из них кислород, ветра.

Наконец, преодолев самое сложное, он спускался в низину. Разительные перемены сразу настораживали, затем дарили покой. Огромные тополя тихо дремали под снежными шапками, злой ветер не беспокоил их сон. Вдали, сквозь кисельную морось вырисовывались куцые пятиэтажки. Об их маревые стены бился снег, ветер прибегал к новым попыткам сокрушения, но тщетно: здесь человек оказывался сильнее.

Александр наизусть, не глядя на тропу, пробирался к заветной остановке, к предпоследней цели обычного утреннего мучения. Душевные отвращения завершал рабочий автобус: холодный, с насквозь промерзшими окнами, с сонными, угрюмо молчащими пассажирами, с витающим по салону запахом перегара и с вечно пытающимся соединить разорванные проводки наушников «приятелем».

«Кинулся. Нужно сразу, как только купил, укреплять провод изолянткой. Глядишь, и меньше с одним наушником будешь плеер слушать, пока не выделишь денег на новые», – мысленно советовал Александр человеку, которого видел десятый год подряд, но не знал ни его имени, ни занимаемой должности. ...

Вся эта гнетущая действительность – мрачная, мелочная реальность – губила красочные надежды, делала парня одним из всех. Мечты отлетали далеко в сторону, казались чьей-то злой шуткой. Уже не существовало способа добиться желаемого, как и тех, кто сумел свершить его планы – они тоже превращались в фантазию. «Есть, наполняющая жизнь, противная работа, нужда – все то, в чем барахтаются абсолютно все. Не могут люди жить по-другому, жить в свое удовольствие, ни делать, ни чувствовать всю тяжесть, отведенную мне... Нет ни встающих столь рано, ни спешащих по всегда ненавистным делам, ни занимающихся тем, чем не хочется, а остающихся дома в связи с плохой погодой, ленью, нежеланием...».

В любом городе, в каждой точке планеты человеку обязательно предстояла получасовая поездка в никуда, во время которой незачем смотреть в окна – все равно не понять, где находишься, да и незачем, без того все ясно: тело клонится немного вправо, затем два поворота влево, снова вправо и, наконец, минута по прямой – доставят тебя в места, понапрасну сжигающие, воруящие драгоценную, никому не нужную жизнь. Повсеместно в других городах, в других странах дремлют тела, знающие дорогу наизусть. Конечно, есть проживающие к остановке немного ближе, чем он сам, но это единственное преимущество счастливицков..., хотя не такое уж и малое, достойное зависти Александра. Во всем остальном ничьи судьбы от подаренной ему самому жизни не отличались.

Скрипнув тормозами, переполненный автобус сорвался с обочины, тяжело покатило вперед. И, если бы в столь ранний час Александр располагал красноречием, то непременно бы нарек этот скрипящий кусок металла «символом ужаса». Ко всему прочему, этот ужас приходилось ждать: пританцовывая на месте, сопротивляясь овладевающему телом морозу. Секунды ожидания не тянулись, а вовсе останавливались. Скоротать время и перестать мерзнуть

не помогали ни скуриваемые одна за другой сигареты, ни изучаемые объявления, приколотые к близким деревьям, приклеенные к плитам остановки.

«Вскопаю огород» – чернела бумага еще с лета. «Сделаю ремонт», «Дам кредит». Как первое, так и второе и, уж тем более, последнее оглашение не имели успеха – все надрезанные полоски с телефонами оставались нетронуты.

– Я бы и сам вскопал! – нередко слышались восклицания скучающих, а потому и читающих объявления пассажиров, в том числе и Александра.

Глава 2

Жалобно запищав, к земле полетело необъятное дерево. В последний раз с мясистых ветвей встряхнулся снег и еще долго парил в белом киселе, оседая на упавшего гиганта.

Александр умело отскочил в сторону – увернулся от опасности, заглушил двигатель. Эхо разнесло последний крик тополя. Где-то вдалеке сотни и сотни раз отзывалась его боль, предупреждающая собратьев о грядущей беде.

– Нравишься ты мне, парень! Сколько ни смотрю, все у тебя ладно получается.... А как пни весной корчуеть! Наверное, и своя земля имеетя?

– Имеется, дядь Вань, имеется....

– Молодец, но больно усталый приезжаешь.

– Дома работы хватает. Да, чтоб сюда добраться, – скромничая, Александр взрыхлил сапогом снег, – в пять утра вставать приходится. Где тут не быть усталым? В выходные подрабатываю, – подумав, добавил с плохо скрываемой гордостью и принялся за следующее дерево.

Иван оценил трудолюбие напарника, многозначительно хмыкнув. Очередное дикорастущее нашло свой конец.

– А бутыль десятилитровый зачем домой таскаешь? Водопровода нет?

– Есть-то он, есть. Да из крана ничего толкового не вытекает, вода техническая....

– Тяжеловато, конечно. Ты насчет всего этого помалкивай, – осмотрелся Иван по сторонам, убедился в их одиночестве, – узнает начальство, что в своем доме живешь да на дорогу силы тратишь, а еще по хозяйству там..., уволят без разговоров.

– Не понял.

– Это ничего, после поймешь. Знаешь.... Не переживай, скоро снег немного сойдет и от дальних остановок автобусы пойдут. Оно и понятно: навалило, успевай хотя бы в городе расчищать.

– Ну, че там, Иван, рыба идет? – прохрипел спешащий мимо человек, полностью закутанный в одежды, узнаваемый исключительно по голосу.

– Идет, идет. Куда вона денется!

– Где?!

– Да на Синем озере окунь пошел.

– Ясно.... Ну, бувайте. Смотри, никому не болтай. Накупили электроудок..., – бросил человек на прощанье и скрылся в лесной чаще.

– Ну так, что там насчет усталости?

– Сам соображай. Говорю же, после поймешь.... С молодости надорвешься и того....

– Не умеешь ты врать..., ну, не хочешь не говори. После, так после.

– Надо бы, – неопределенно закончил Иван, зашуршав прихваченным на участок пакетом. – Держи, старуха напекла.

– С чем пирожки? – сбросив рукавицы, Александр, не дожидаясь ответа, впился в уже обработанное морозом тесто.

– С музыкой.

На зубах противно похрустывал недоваренный горох.

Сонливость рассеивалась вместе с утренним туманом, настроение ползло вгору за жадным на теплоту солнцем. Жить становилось не так гадко, а окружающие и их разговоры не выводили больше из себя.

– И от других требуешь добросовестного исполнения, – продолжал Иван свои похвалы, – ясно, что не за зарплату, какая тут зарплата.... Так и надо: взялся – делай на совесть.

Собираясь поработать, Иван затушил окурок, кряхтя, поднялся с полуразвалившегося пня и уже трижды плюнул на мозолистые руки, как у Александра зазвонил телефон. Парню

пришлось расстегивать тулуп и, морщась от холода, вынимать из внутреннего кармана трубку. Смотреть на экран смысла не было: Александр и без того знал, кто на другом конце провода.

– Не знаю, почему тебе не слышно.... Работаем, – махнул напарнику рукой, разрешая пилить.

– Ну-ка! Щас я это дело быстренько, в аккурат обделаю, – глядя на Александра, Иван заразился трудолюбием и с охоткой взял в руки инструмент.

Дернул стартер. Тишину разрезал вой бензинового двигателя, по лесу пронесся рев выхлопных газов. Рысцой подбежав к дереву, резанул по стволу. Стальные зубы яростно вгрызлись в податливую древесину, запахло свежими опилками. Через секунду просвет в небе увеличился – упало еще одно дерево.

– Во как, и я еще на кой-че гожусь, – обтирая пот со лба, Иван ждал, пока парень спрячет телефон. – Глубже, к брюху засовывай. Погода, сам видишь..., враз батарейка закончится.

– Куда уж глубже! Я вот все хочу спросить, сколько тебе лет? А? – разобравшись с застежками, Александр принял инструмент – у Ивана тоже зазвонил телефон.

Мелодия на аппарате напарника была не менее тошнотворна и приелась Александру как своя собственная. И, вообще, он помнил наизусть, у кого и как именно в его окружении звонит телефон. Знал, что ответит любой, поднесший к уху трубку, кому прикажут купить хлеба, у кого спросят, зайдет ли он вечером..., и всегда одно и то же, подходящее на бесконечно повторяющийся сон: опротивевший, примитивный, а потому никогда не забываемый.

– Сколько дашь? – Иван хитро прищурил глаза, хотя снег и без того ослеплял, и распознать лукавство в черных пуговицах зрачков было сложно.

Александр внимательно осмотрел еще крепкого в плечах, хорошо сложенного, уверенно стоящего на ногах, Ивана. Мысленно приплюсовал, накладывающий особый отпечаток, характер напарника, с которым они на удивление легко поладили: являясь заядлым одиночкой, парень предпочитал работать один, думать один, обедать один – все один; Иван не нарушал спокойствия, все больше молчал, а потому сразу приглянулся Александру.

– Не знаю. Вроде, стар, а вроде, и не особо.

– А так? – сбросил Иван шапку, скрывающую широкий лоб; легкий ветерок поднял редкие с проседью волосы, оголил сотни морщинок на коже.

– Одень, простудишься. Тогда почему не дед, а дядя Ваня?

– Может, не так и стар? – из-под бровей, давно сросшихся в одну кривую, посмеивались шаловливые глаза, никак не вяжущиеся с посеребренными висками.

– Да ну тебя! Устроил тут «верю-не-верю». Работать давай!

– Вот это правильно. Отработаем, денежку получим и вперед.... Покутим на славу! Уж скоро..., рука левая чешется, а народное еще никогда меня не подводило.

– У меня тоже чешется, – подхватил Александр, не верящий в приметы и постоянно высмеивающий считающих иначе, – и правая чешется, и нога, и....

– Это тебе, милый мой, помыться пора! – парировал Иван, подтверждая не только молодость своего тела. – Я тоже все спросить хочу: что за фамилия у тебя странная?

– Обыкновенная русская фамилия, Клот. Чем плоха? – пожал Александр плечами, раскручивая инструмент и не желая больше разговаривать.

Приятнее было предвкушать вечер: сегодня им выплатят кровные, за месяц заработанные. В душе теплело, солнце припекло в спину как-то по-особому, прямо по-весеннему, и не ему одному. Раз в тридцать дней счастливые улыбки скользили по грубым лицам рабочих. Они меньше сорились, почти не ругались. Шутки из едко-колючих, оскорбляющих превращались в неназойливые, выражающие товарищеские чувства, излияния, порой вызывающие влагу на глазах. И после полочки еще какое-то время царило всеобщее оживление, подпорченное изрядным похмельем. В такие дни даже Александру хотелось поговорить больше обычного, а звонки матери не так сильно раздражали. Он радостно представлял, на что и как потратит

близкие деньги, и непременно надеялся отложить сотню-другую на черный день или подкопить на нечто стоящее. Но почему-то припрятанное всегда растрчивалось в течение недели, и пару сотен так и оставались одинокими, никак не желающими скапливаться в большие суммы. – Правда, сегодня нам их не видать. Сказал же директор: «Посреди недели никаких выплат». Прошлый раз помнишь..., никто толком не работал, так... полупьяными шатались..., – волновался Иван, желая девичьей памяти начальству. – Разве что, поздно вечером, дабы в обед не перепились.

– Кстати, вон он, сюда идет начальничек. Давай заводи, а то подойдет, поздоровается за руку, а после ходи, неделю ее не мой, гордись.

За приятными мыслями и тяжелой работой прошел день. Александр возвращался домой, когда уже совсем стемнело. Обратный путь оказался из-за усталости труднее, а потому и длиннее проделанного утром. Где-то вдали выли волки.

«Хорошо, что звезды и луна», – проваливаясь в глубокий снег, он прекрасно понимал сложность своих путешествий без извечных спутников неба. Не каждая ночь выдавалась ясной. Довольно часто приходилось впотьмах, подсвечивая фонариком, отыскивать узкие тропы, оставленные прохожими еще днем, к вечеру уже порядочно прикрытые свежим снегом.

Лита уехала. Отведенная им неделя подошла к концу. Клот знал, что, вернувшись, уже не застанет девушку, но слабая надежда: «Что-то не дало, помешало ее отъезду», – теплилась в простуженной душе до последнего, до тех самых пор, пока окна не встретили зияющей темнотой.

«Уехала».

Громадина дома, зловеще чернея, выделялась среди остальных понурых и приземистых построек двора – сараев, подвалов. Входить не хотелось.

– Ну как ты, дружище? Устал я сегодня. Вот посижу немного с тобою и пойду, – Александр опустился на приотптаный снег рядом с Громом.

Пес устало вылез из своего домика, улегся рядом. С минуту покопошившись, наконец, устроился поудобнее: вытянулся во весь рост, положив мордочку на колени хозяина.

Мозолистая рука опустилась на красивую шерсть. Поджав задние лапы, собака придвинулась ближе, поделилась теплом пушистого тела.

– Ты тоже устал.

Словно соглашаясь, пес повторил его тяжелый вздох, поднял голову и лизнул лицо человека.

– Сколько уже тебе?

В памяти пролетали года очень похожие один на другой, не дающие никакой зацепки к разрешению вопроса.

– В общем, немало, – сдался парень. – Да ты стар, как тот Иван. Что он имел в виду? Что я узнаю? Ты не в курсе...? Помню, как брал тебя щенком. Ты тогда еще так молоком пах. Пузатый, смешной, – жалкое подобие улыбки мелькнуло на потрескавшихся губах.

Животное, слушая воспоминания хозяина, не сводило с него печального взгляда, видимо, по-своему припоминая прошлое.

– Тявкал без умолку, – продолжал Александр, – резвился. Мимо тебя пройти боялись: не укусишь, так лапами испачкаешь. Теперь и они состарились, – аккуратно приподнял одну из передних лап Грома: все еще очень крепкие, но с множественными ранками, поросшими шерстью, со счесанными когтями, не отрастающими вновь уже никогда, они выдавали приличный возраст собаки.

– Несешь тяжкую службу, сидя на цепи. Опять не напоминаешь! – полез Александр в сумку за остатками еды.

Гром понюхал предложенный ужин.

– Да, да, можно. Тебе. Молодец!

Дождавшись разрешения, пес запустил свою мордочку в замерзшую, кусковатую массу. Расхваливая друга, Клот продолжал гладить пушистую шерсть – любоваться. Пес, поглощая еду, не забывал отвечать на прикосновения дружелюбными взмахами хвоста.

Человек медленно протянул руку к тарелке – тишина. Аккуратно отвел ее в сторону. Гром смиренно проследовал за ней к новому месту и, повторно «спросив» разрешения, продолжил утолять голод.

– Молодец.

Снова и снова сыпались одобрения на благодушного малого, который скоро привыкал к людям, имел феноменальную память и узнавал людей не только по запахам, но и по голосу и даже по походке. Привилегия же находиться рядом во время работы массивных челюстей закрепилась исключительно за Александром, что льстило последнему. Любого другого, осмеливающегося посягнуть... или пройти рядом с едой, поджидали немилосердные клыки. Во всех остальных случаях Гром оставался покладистым псом и любил людей. К примеру, Лита лишь однажды при первой их встрече была удостоена зловещего рычания...

Внезапные мысли о девушке растворили приятные воспоминания в реальности. Клот очнулся.

– Ну, да ладно, пойду спать. Еще один тяжелый день позади.

Поднявшись, Александр поскользнулся, пытаясь не упасть, ухватился за будку и очутился в сугробе вместе с отломанной дощечкой в руках.

– На днях почию.

Тихонько помахивая хвостом, Гром согласился с очередным обещанием. Тяжело ступая по сугробам, парень добрался до двери и, прежде чем зайти в дом, еще раз оглянулся на овчарку.

– Спокойной ночи. Ложись отдыхать.

Пес, «пожелав» ему того же, свернулся калачиком прямо на снегу (ему тоже не хотелось домой), прикрыл лапами нос и жалобно взвизгнув, погрузился в сон.

Очувтившись на стуле в прихожей, Клот избавил натруженные ноги от промокшей обуви, напихал в ботинки газет. Взгляд уперся в развешенные на стенах плакаты неизменного содержания, как и в коридоре, как и в спальне... На них соблазнительно, позируя, девушки с дикими, вожаделенными взглядами и практически отсутствующей одеждой добивались поставленных целей – будили в мужчинах животные чувства, возбуждали страсть, стремление к наслаждениям, и все то, о чем вслух не принято говорить.

Хоть Лита и была ничем не хуже этих девушек: имела в своем арсенале такую же родинку, как у многих обладательниц прекрасных тел и смазливых личиков, и уж точно не уступала в стройности самым шикарным моделям, а также носила не менее заманчивое кружевное белье, все это для Александра было не то: она ведь принадлежала ему. К тому же парень замечал ее маленькие морщинки у глаз, царапинки на руках и не совсем такую, как мечталось, белизну кожи. Но и Лита обладала преимуществами перед плакатами: никто не рассматривал откровенных фотосессий с ее участием – их просто не существовало. Знаменитости манили Александра наготой своих тел, и ею же отталкивали от себя.

«Когда теперь увидимся», – надежда застать Литу иссякла, его встречала тишина. Вернулось знакомое одиночество, навалилась зяблая грусть.

Прохаживаясь по комнатам, Александр зажигал в каждой из них свет. Всюду чувствовалась нежилая прохлада, заброшенность. Остановившись в спальне около постели, вспомнил утро. Тишина начинала биться о стены, превращаться в гул – звенело безмолвие.

«Если бы ты не заправила постель, я бы тоже не решился». Присев на кровать, он погладил подушки, прижался к ним щекой. Они все еще издавали слабый аромат духов, но больше не хранили Литеного тепла. Зажмурив глаза, Клот услышал ее звонкий смех, нежный голос. На самом деле все оставалось мертво, печально и чересчур тоскливо.

– Ничего, я добьюсь. Мы будем вместе. Скоро, очень скоро расстояния для нас перестанут существовать. Добьюсь! Тогда как решим: захочешь ко мне переедешь или я к тебе, а может, и вовсе в другой город переберемся, подальше от прошлого. Что угодно, ведь деньги станут не проблемой. Нуждаться ты ни в чем не будешь.

Александр так думал и так говорил Лите несколько лет подряд. В ответ девушка молчала. Наверное, сомневалась в правдивости его заявлений. Да парень ее за это и не винил: сам часто не верил в себя, свой успех. Да и как на него надеяться, ничего не предпринимая, а лишь мечтая об осуществлении задуманного?

Забыв раздеться, Клот бросился к письменному столу. По пути включил телевизор, нашел музыкальный канал: с песнями казалось веселей. Схватил исписанные неделю назад листы. Жадно вчитываясь, он торопился нагнать упущенное за время оправданного безделья – ведь у него гостила Лита, и все внимание уделялось ей. Не вдумываясь, не вникая в смысл, Александр пробежал по строчкам глазами – все получалось довольно сносным, порою идеальным. Часто отвлекаясь, вслушивался в понравившуюся песню, бежал в зал посмотреть клип. Затем нехотя возвращался к покинутой работе. Снова читал, нежно поглаживал стопки «перепачканной бумаги», останавливался, выходил курить, опять возвращался, продолжал...

Радость от уже достигнутого переполняла душу, клокочущая энергия убеждала в реальности больших свершений, обещала силы и успех на любом поприще.

«Может, после и сценарии к своим книгам попросят написать. Справлюсь. Снимусь в главной роли – получится. Попробую писать во всех жанрах, и стихи не забуду, а может, даже эротику приплюсую», – ускоряя мысль, он летел по накатанной мечтами дороге, и ее бесконечная широта представляла знамением, подтверждающим правильность выбранного пути.

Уходя в сказку, Александр забывал о причинах и видел только следствие. Крутясь на стуле, рассматривал недостаточно большие комнаты своего дома. Обдумывал, как расставит приобретенную благодаря творчеству новую мебель и технику, решал, где именно во дворе разобьет красивый газон, из чего построит беседку. Дело оставалось за малым...

С такими мыслях пришла глубокая ночь. Около двенадцати Александр закончил толком не начатые дела и, по обыкновению, заскочил на ежедневно посещаемый им сайт: просмотрел последние решения правительства, видящего своей основной задачей ухудшение благосостояние людей, повозмутился на запланированный рост цен, ознакомился с другими новостями, безуспешно искал продолжение любимого сериала о звездах. «Когда же уже...?» – бурча себе под нос проклятия, Александр пытался угадать дальнейшее развитие сюжета, затем подошел к полке с дисками. Несмотря на позднее время, привычка брала свое: перед сном обязательно нужно расслабиться – хоть десять минут посмотреть, не важно что. Большая часть из отведенных десяти минут уходила на выбор фильма. Все они казались интересными, по меньшей мере, занятыми, нередко дающими толчок к написанию нового рассказа. Но стоило ему нажать «Play», и интерес тут же пропадал. Старые картины и близко не стояли с современными. Они только в памяти Александра оставались увлекательными – дань прошлому, ностальгия; и любовь он испытывал не к фильмам, а к временам, в которые, по случайности те были сняты. Былое являлось красивой сказкой, и все, способное пробудить память, протянуть к ней нить, являлось таким же... Большинство записанного так и пылилось на полках, ни разу не попав в проигрыватель.

– Пусть будет. Может после когда-нибудь..., – говорил Клот, прекрасно понимая, что никогда не настанет этого самого «когда-нибудь».

Из соседней комнаты доносилось мерное жужжание вентиляторов, напоминающее о работе, остановленной и брошенной вдруг.

«Завтра», – сказал парень, включил фильм и направился к постели. Он так долго жил один, что уже привык разговаривать сам с собой. И, если случалось остаться в гостях на ночь, забывшись, Клот нередко выкрикивал целые фразы, неизвестно кому предназначен-

ные. На утренние смешки хозяев приходилось изворачиваться, врать: «Во сне разговариваю», – объяснял он срывающиеся задолго до прихода сновидений слова.

В безмятежную дремоту врывается весна, приносит синее небо с причудливыми барашками облаков. Возвращался отец, уводящий его за руку в лес, туда, где прозрачный, быстрый ручеек с чистой вкусной влагой, поросший по берегам пышной травой, ароматными цветами, кружащими голову; садящееся, украденное темнотой, солнце, поселившийся в зарослях мрак; приветливые кусты и деревья, безобидные днем, на закате пугающие своей чернотой; ветер, раскачивающий их стволы, жуткими щупальцами шевелящиеся длинные тени – все вокруг мерещилось враждебным, иным....

Они шли дальше, папа начинал что-то грустно и вдохновенно читать, слова крепили, напитывались смыслом. Мальчик еще не разбирал их целиком, но уже догадывался о скрытой в них тайне... Еще немного и он услышит их:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

С. Есенин

Звонкая трель вырвала ребенка из леса, заставила мгновенно повзрослеть.

– Да, мам.

– Ты с работы домой добрался?

– Уже сплю.

– Небось, опять ноги вымочил? Купи себе нормальную обувь.

– Деньги дадут, куплю. Я сплю..., – взмолился парень, призывая к тишине.

– Ладно, завтра позвоню, отдыхай.... Лита уехала? – услышал он за секунду до отключения вызова и ответить уже не успел.

«Лита! Она с каждой минутой дальше и дальше. Спит, наверное. Или смотрит в окно на бесконечные фонарные столбы, проносится мимо чьих-то жизней», – Александр попытался представить любимую в купе мерно покачивающегося вагона, угадать ее мысли.

«Позвоню», – взглянул на часы. Полночь – предупреждали они. С минуту посомневавшись, отложил телефон в сторону.

Взяв с полки первый попавшийся диск, уселся на диван. Под ногами раздался мягкий шелест. Не зажигая лампы, поднял смятый обрывок бумаги. Слабого мерцания экрана хватало – Александр без труда разобрал красивый почерк девушки: «Люблю тебя. Звони почаще и не думай ни о чем. Ты мне нужен какой есть», – грустно улыбаясь, перечитал он несколько раз.

«Почему сразу не позвонил?»

Спустя несколько минут начинали слипаться глаза, но Клот не спал. Нужно было встать, прекратить бессмысленное лежание на диване и выключить телевизор. Борясь с оцепенением, он все же прошелся за пультом до тумбочки, прервал давно не воспринимаемые им сцены.

Ночь выдалась тихая, не слишком морозная. Александр постоянно просыпался охваченный мутными снами из детства. Они беспокоили душу и не признавались, почему щемят, чем тревожат. Тонкая нить ответов то и дело ускользала от сознания, оставляя горький осадок.

Пробуждаемые грезами воспоминания относились к давно ушедшему, когда Александр еще верил в будущее, а не рассматривал осколки своей мечты. Это после пришло разочарование, и ждать стало нечего, но остались стихи, неизвестно, откуда приходящие: толи он сам их сочинял, толи где-то слышал и запомнил, а быть может, их продолжал читать отец, уводящий все дальше и дальше ребенка в лес.

Приподнимаясь в постели на локтях, Клот смотрел в окно: туда, где заливаемый луной, дремал Гром. Припускался мелкий снежок, мягко ложился на лохматую шерсть. Снежинки покрупнее не таяли от тепла его тела и понемногу укрывали пса одеялом, придавая ему особую живописность. В желтых отблесках небес переливались кристаллики льда, повисшие в воздухе. Призрачный снег оживал, забавлялся, танцевал на спящем животном. Иногда, обеспокоенный далеким звуком, Гром вскакивал и подолгу вслушивался, его службу никто не отменял. Убедившись в отсутствии опасности, он зло вгрызался в цепь, пытаясь ее перекусить. Рвался из стороны в сторону в надежде разорвать кольца или ошейник. Мимо по улице пробегали свободолюбивые дворняжки, умело шныряющие носами под снегом, выскивающие пропитание. Они быстро съедали найденное и шли дальше. Скрывались за поворотом, уходили в свои неведомые дали. Лай срывался на вой – Гром, завидовал им всем сердцем, осознавая, как мал его собственный мир, состоящий из полуразвалившегося дома и возложенной на него обязанности, скрепленной внушительной цепью. За лишения ему, конечно, причиталась награда – две миски каши в день – невкусной, едва поддерживающей жизненные силы, еды. Вскоре, не являясь глупцом, прекрасно понимая, что за поворотом улицы для него ничего нет, Гром обретал покой. Приспосабливаться к новому было поздно.

Сон пропал. Нащупав под подушкой пульт, Александр снова включил телевизор. Вставать и идти к письменному столу не хотелось. И опять внезапные мысли прерывали сюжет фильма, затем неожиданно отступали в никуда, возвращая к событиям на экране.

«Куплю новую цепь на пилу, а то когда еще выдадут. Старой работать уже мочи нет... жует дерево. Ах ты! Забыл смазать жиром», – подскакивал парень в постели и тут же улаживался обратно. – Завтра с утра... Быстрее бы утро. Ржавеет. Может сейчас сходить? Да кто ж пустит? Охрана прогонит. Ночь. Скорее бы утро».

Стоило прикрыть глаза и перед ними вставали площадки, усеянные почерневшими пнями, мерещились новые участки деревьев, которые еще только предстояло вырезать.

«За каждое я получаю по двадцать... А если постараться, смогу валить тридцать в смену. Это ж сколько денег!» – подсчеты будоражили, вливали в тело адреналин, мешали уснуть. Хотелось прямо сейчас приступить к работе. «Завтра же выходной, никак не смажу, – вырывала из подступающей дремоты тревожная мысль. – Может сходить, пустят? Нет. С утра еще на стройку, до обеда точно не успею, а после не пустят», – оставалось одно – смириться и, сожалея о загубленном инструменте, дожидаться вторника. Но все обстояло не так уж и плохо, утешение нашлось быстро – на строительной площадке также пришло время зарплаты: «А значит, к часу дня буду на рынке...».

– Далось мне смотреть допоздна, – утром все повторялось вновь.

Он пытался припомнить, что смотрел накануне, искал оправдания своему недосыпанию. Его не было. Большая часть предыдущей ночи прошла за механическим перелистыванием каналов и в пустых мечтаниях.

Преодолевая сопротивление желудка, Александр как всегда выпивал противный кофе и шел в темноту. Во время ежедневной, а потому успевшей превратиться в бесконечный путь, дороги тишина ненавязчиво наполняла голову мечтами (если, конечно, погода оказывалась тихой, и не требовалось отдавать все силы на преодоление ее капризов). Видения, порою яркие и красочные, иногда скупые и одеревеневшие, врезались в его мир, разрастаясь, вытесняли из него обыденность. Клоту представлялись выгоды, сулимые достижением цели; время, когда отпадет необходимость ежедневной борьбы со стихией, недосыпанием, извечной потребностью

куда-то идти, кому-то подчиняться. Снова и снова Александр вспоминал, как вчера удалось, пусть и немного, посидеть за письменным столом. Он перебирал, сравнивал свои повествования с давно прочитанными, являющимися образцами высокого. Сегодня думалось, что и у него получается... Одна за другой вспоминались удачные фразы собственного сочинения: «Вскоре будут спорить, обсуждать меня».

Александр видел победу, достигнутую ради Литы, рухнувшие благодаря всеобщему признанию преграды. В подробностях проступал их будущий дом, подмечалась каждая мелочь шикарного интерьера – совместного счастья: бассейны, блестящие автомобили, цветочные поляны, разбитые перед окнами. А после – смерть. Конечно, он уйдет первым, оставив все накопленное Лите – немалые богатства. Затем докучливые журналисты, откроют ей любимого в новом свете, покажут настоящего, доселе неизвестного Александра. Тогда девушка задумается, с кем разделила судьбу, восплает гордостью с примесью сожаления (поздно поняла, недооценила, не сделала большего для его обожания), станет рассказывать миру, как Александр творил, какое лицо! Грусть и целеустремленность, боль за весь мир отражались в его глазах во время бесчисленных часов, проведенных гением за письменным столом. Всем откроется, как за внешней простотой скрывался тот великий, ушедший в века, но вселившийся в сердца и память навсегда. Те же, кто посмеивался и не верил в его талант, прикусят свои злые языки. Естественно, будут сравнивать достигнутый им триумф, гремящий по всему миру, со своими мизерными победами, о которых никто и не знает, которые ничего не значат и вообще никому не нужны. Завистники проживут для себя; так себе проживут. А он будет жить для других, и жить красиво, ни в чем себе не отказывая.

Он так же видел собственные похороны, не ясно как, да Клот и не задумывался о подобных тонкостях; им не отводилось места среди посетившей романтики смерти. Благоговейно наблюдал товарищей, торжественно несущих его гроб; как позади с опущенными головами бредут тысячи и тысячи поклонников. «Каков гений... один на столетие бывает», – перешептываются знакомые критики и писатели. Молча, в слезах идут женщины, девушки. Они оплакивают его по-своему, убиваются, что не долюбили, чего-то ему не додали... Молят всевышнего о втором шансе, но уже поздно. Многие замечают на торжественно-спокойном лице Александра, застывших в мягкой улыбке устах таинственную печать, такую же, как на лицах великих поэтов в предсмертный час, отправившихся в вечность, ставят его рядом с ними, а порой даже выше и значимее... Надрывается оркестр, рыдания толпы усиливаются. Кто-то, не сдерживая слез, произносит душевную речь. Превозносит погибшего, укоряет живых – не уберегли, не оценили. Но каждый верит, что Клот не помнит зла, иначе великие люди и не могут, они высятся над обычными смертными, прощают им их пороки и ошибки...

Представляемая картина оказалась настолько реальной, что Александр на минуту в нее поверил, стало тяжело дышать, он искренне желал, чтоб все так и случилось. Так отрадно оказалось воображать свой уход из жизни, чувствовать, как, наконец, признают тебя несправедливо обиженным, пожалеют и оценят.

Затем он возвращался к живым, ведь страсть как хотелось взглянуть на лица своих бывших в тот момент, когда, развернув газету, они заметят его фото – и везде трубят исключительно о нем, чтят его гений. Или, еще лучше, вернется ребенок из школы и за выполнением домашних заданий прочтет стихи Александра. Взглянув на строгий портрет в учебнике, ОНА спрячет нечаянные слезы, раскается в совершенных когда-то ошибках: «Ребенок мог быть и от Александра, а не от этого храпящего, в дым пьяного мужика на диване...».

Подбодренный очередной порцией радужных эмоций, Клот бойко шагал вперед, надеясь на скорые и легкие победы. Ожидания счастья делали мир восхитительным, переполненным высокого смысла. Вся планета, каждый человек в отдельности крутились вокруг него, существовали и создавались только для него. Естественно, покидаемый им на время поселок переходил в режим ожидания, а оставленные в нем люди засыпали. Казались, невозможны

их разговоры, которых он не услышит, какие-то их дела, о которых ему не узнать. Александр искренне верил в это заблуждение и недоумевал, если по возвращении с работы замечал свежерыкрашенное соседское окно или новосрубленный амбар. Как что-то могло появиться в его отсутствие? Как все вокруг способно жить без его участия? А уж тем более каким образом мир останется на месте и не померкнет после его ухода? Из области фантастики кручение механизмов Вселенной во время остановки его собственного сердца.

Клот верил.... Он так долго мечтал о признании, что надежда уже не могла умереть, ей оставалось крепнуть, перерастать в уверенность, ничем не подкрепленную, но непременно осуществимую. «Что-то должно вскоре случиться, и случится именно хорошее», наконец-то вырывающее его из пасти гнетущей нужды...

Незаметно утихали возвышенные мечты, аккуратно подступалась повседневность. Мысли устремлялись к насущным проблемам, выискивали решения для ежедневного существования: «Приготовить обед, починить Грому будку...». Замечая, что думает о мелочах, Клот одергивал себя, злился: «Хватит. Растрачиваю энергию.... Где тут великое? Ну что из сделанного мною за последние десять лет, да за всю время, вспомнят спустя столетие!? Думать противно об этих никчемных делах, они призваны сжигать меня в ничтожном прозябании».

Александр сопротивлялся, отказывался от реальности..., но стоило ему на мгновение ослабить контроль и она, таща за собой скупость, возвращалась обратно.

Глава 3

В раздевалке довольно холодно. Дежурные забыли слить воду с тэнов, и после аварийного отключения электричества, образовавшийся внутри лед разорвал трубы. Как можно скорее Александр натянул грязную робу, непослушными пальцами застегнул обледенелый комбинезон. По телу жалобно мелкими уколами скользила дрожь. Оставалось потерпеть пару минут, нескончаемо долгих пару минут, пока одежда нагреется.

Прихватив ведро с инструментами, Клот поднялся на двадцатый этаж. Большинство пролетов еще не были заложены кирпичом, а просто вылиты монолитом – скелет из бетона – и ветер, беспрепятственно гулял по этажам, наметая на них огромные кучи снега. Преодолевая слабость и желание поспать, Клот взялся за инструмент. По объекту гулко разнеслись удары мастерка, кирки, кирпича. Больше ни звука, все вокруг глухо и тихо, как будто завернуто в вату. По выходным большинство рабочих остается дома. По собственному желанию появляется только несколько человек. Клот постоянно в числе добровольцев. Он давно не позволяет себе отдыхать: приходится жить мечтою о Лите, жертвовать всем во имя достижения цели. Работая, он думает о ней. Через какое-то время парня окликнул сиплый, простуженный голос, принадлежащий неестественно полному человеку – все те же многочисленные слои одежды тому виной. С минуту он молча рассматривал Александра. «Что он видит? Как ко мне относится? Какая у него жизнь? Явно лучше моей: он же производственный мастер. Во всем заметно наше различие: чистота одежды, бодрость, дорогой мобильный телефон – все у него легче, ярче... Давно в одной бригаде, но толком никогда не общались», – размышлял Александр, пытаясь припомнить собственное лицо, взглянуть на себя со стороны – не получалось. Клот даже не помнил, когда в последний раз смотрелся в зеркало. «Да и зачем? Лита любит. Чего же еще?» Собственная внешность оставалась загадкой, да и благодаря начинающейся вьюге рассматривать начальнику также оставалось немного. Единственное, что он мог разобрать – это высокого, под два метра роста, паренька, с которого из-за худощавости свисает одежда и, не смотря на это, найдутся черты атлета. Во всяком случае, силы у Александра в руках хватало. Сквозь старый засаленный комбинезон, такие же поношенные бурки и бесформенную шапку большего угадать невозможно. На поясе лазерная рулетка – гордость Клота, правда выдаваемая на смену и то по крайне необходимости. К ней парень испытывал особую нежность, как, впрочем, и к любой электроники, без раздумий тратил свое личное время, отмеряя другим сложные участки стен и полов. Он бы и себе такую купил, ни разу не применив ее на практике. В быту толку от нее не было, но все равно бы приобрел – легенький такой аппарат, вот только цена неподъемная.

– Рулетку давай. И через час на обед приходи. Погреешься, – наконец выдал человек, зачем пришел.

– Разве мы остаемся? – переминался Александр с ноги на ногу, прихватывая морозец.

– Да. Пока не стемнеет. Вентиляцию нужно закончить, конец месяца.

Проклиная сидящих в тепле и уюте, раздающих приказания людей, Клот понимал, что на рынок зайти не удастся. «Хотя магазины еще будут открыты».

Не получив никакого ответа, начальник ушел, бросив напоследок несколько фраз через плечо: вяло, неохотно и непонятно зачем.

– Ведро на лестнице заberi, коммунизм не наступил...

«Тебе хорошо, пару раз за день вышел, посмотрел, как продвигается, и обратно к печке», – злился Александр на широкую, удаляющуюся спину, поглаживая осиротевший без рулетки пояс.

Грубо выругавшись – леса скользкие – Клот вернулся к работе. Срывался мелкий снежок. Небо затягивало тяжелыми тучами. Солнце, едва пробиваясь сквозь повисший кисель, шло

в зенит. Город спал, лишь изредка в близких окнах загорались лампы. Александр не видел земли. Его окружали последние этажи высотных зданий, все остальное – в пелене. Начинало теплеть, отовсюду срывались жадные талые капли, маленькие и ужасно холодные. Воздух переполнялся влагой, его можно было черпать ложкой. Внизу заливались лаем собаки, переговаривались редкие прохожие, но увидеть обладателей невидимых голосов не получалось.

Кирпичная стена росла ряд за рядом. «Хорошо хоть в этот раз прямую получил, а то заноси за другими хвосты, углы да балконы выкладывай. На них не разгонишься, не заработаешь».

К обеду туман так никуда и не делся. Как ни досадно останавливать работу, а подкрепиться было необходимо. Клот тянул, не уходил до последнего, и в бытовке уже собрались люди. Одни степенно пережевывали еду, другие, переодеваясь, с более веселыми лицами собирались домой. Молча подсев к столу, Александр достал термос. Не успел взять вилку, как раздался смех.

– Дружище, у тебя опять гречка с яйцом? – слетела ехидная, полуиздевательская улыбка с губ Олега – бывшего шахтера и зануды, каких мало, по натуре неуклюжего, небрежного, всегда в растворе, часто работающего пальцами вместо мастерка.

– Да, опять, – наиграно бодро отмахивался Клот, используя изо дня в день одни и те же слова, отвечая на одну и ту же постоянно повторяющуюся подковырку.

Как бы шутка даже отпускаясь Олегом всегда в одно и то же время и повторялась еще раз, когда Клот начинал сворачивать замызганный полиэтиленовый пакетик и прятал его в сумку. «Ничего. Вы обо мне услышите, я-то вырвусь, а вы в холоде да грязи сгниете со своими никчемными никому не нужными душонками».

– Не надоела она тебе!?! Гурман. Больше ничего и не ешь, – у Олега на вилке жирный свиной окорок, похожий на его самодовольное лицо.

– Нет.

«Что бы ты понимал, – Александр весело проглатывал на самом деле очень надоевшую ему крупу». Яичница еще нечего, больше, чем ничего; но два-три яйца в день рацион не улучшат, а съесть больше за раз – остаться на следующий день и вовсе с пустой кашей. «Почему люди не могут обходиться без еды?»

После обеда Клот остается один. Вокруг ни звука. Удары собственного молотка пронзительны и слышны, наверное, за сотни километров. Нарушать спокойствие мира не хочется. При каждом звоне инструмента парень втягивал голову в плечи, оглядывался по сторонам, ждал окрика прекратить. Звуки ровнялись преступлению.

Подступался вечер. Туман с новым, более значительным, чем утром, упорством заволакивал округу. Он оживал. Его молочные щупальца тянулись к домам, пожирали деревья, небо. С трудом различались соседние дворы, светящиеся окна в домах. Стрелки часов приближались к трем. Сгущались сумерки, но Александр не сдавался: еще рядок, еще кирпичик. Воспоминания о Лите помогали преодолеть холод и усталость.

«Лита».

Не было других желаний, не было мыслей.

С приходом вечера просыпался ветер, задувал за воротник снег. Быстро темнело, и хоть глаза привыкали, но окоченевшие пальцы – верный признак закончить рабочий день.

...Мрак внизу разогнали автомобильные фары, послышались голоса, чей-то смех.

«Заказчики приехали...», – подметил Александр паркующиеся на стоянке машины, не менее блестящих, выбирающихся из них, хозяев. Он не разбирался ни в брендах, ни в модных покроях, но знал наверняка: наряды собравшихся внизу изящны и ужасно дороги. «А женщины... Чего стоят женщины! Их белая без единого изъяна кожа, дорогие украшения, лоснящийся смех... они точно знают о свободе не понаслышке. Нет у них проблем ни с деньгами, ни

с чем-либо еще. Не знают физического труда, невкусной еды и, уж точно, высыпаются, ложатся отдыхать, когда вздумается, и не боятся проспать... Куда спешить? Куда просыпать?»

Люди, отыскивая лифт, скрылись в лестничном проеме. Но прежде, чем стихли их голоса, Клот успел расслышать стоимость выстроенных им стен. Со злостью брошенный мастерок полетел вниз. Все, чем он гордился, к чему стремился, оказалось ерундой, а ежедневно прилаживаемые им усилия полностью лишались смысла. Все дела, наполняющие его мир, все мысли, подолгу занимающие голову, будящие среди ночи, заставляющие мечтать, двигаться дальше, превратились в ничто.

«Кто вспомнит обо мне через пять лет после смерти? Да какие там пять лет. Кому я сейчас интересен? Чем я, вообще, занимаюсь?»

Александр перебирал в голове все приходившиеся ему по душе и по роду профессий обязанности. Хватался за одно, поспешно отбрасывал, надеясь найти хоть что-то незаменимое в своих повседневных действиях, искал снова: незаконченный ремонт, десятки освоенных профессий, необходимость каждый день идти в магазин за продуктами и нехватка денег на эти самые продукты. Дом – ветхий, с потрескавшимися стенами, почерневшими от сырости углами, талой водой, просачивающейся в кухню с прогнившего потолка, сыплющаяся со стен штукатурка; внутреннее убранство также не вызывающее особого восторга. Мебель старомодная, до боли дешевая, доставшаяся в наследство. «Уже десять лет прошло, а я все ремонтом занимаюсь. Да разве тех, – закипал Александр, отворачиваясь от настырных фар, – тех вошедших в подъемник, которым мне ради экономии пользоваться запрещают – пешком, мол, пройдемся – можно подобным заинтересовать? Они, вообще, опускаются до мыслей, не дающих мне покоя? Знают о нас? Пробегают мимо собаки, ну, и пусть – их вокруг много. Хоть на сто работ устроюсь – ничего не изменится. Есть ли в работе хоть какой-нибудь смысл? Вон те, не выключившие фары, аккумулятор не жалеют..., сидят себе в тепле в офисе, подписывают бумажки и понятия не имеют о настоящем труде, несущем отвращение в душу, боль в суставы. Что они знают о постоянных попытках вырваться в люди, и все равно оставаться рабом. Вон, где свобода: не думать, не знать. Не там я ищу».

Кстати проснувшаяся память привела за собой надежду: «Я ведь пишу, а значит смогу обрести такую же свободу как они». Но рядом с выходом, оскудняя радость, стояла ежедневная необходимость, продиктованная выживанием: лесопилка, стройка, домашние дела. Им не находилось места в намеченной легкой жизни, но уделялось больше времени, чем творчеству. «Что это? Неверие в себя? Тогда зачем писать? Если же верю, тогда к чему тягомотина, удлиняющая дорогу? Отдать время, направить все усилия на достижение цели и, получив желаемое, забыть, оставить другим все приземляющее, мешающее жить или отпустить фантазию, бросить все как есть?»

Желание поскорее очутиться за столом бросило Клота вниз по ступеням. В какой-то момент где-то между пролетами Александр уловил женский голос, сочно чеканные нотки, выдающие игривость хозяйки. В нем звенела уверенность, свобода, идеал. Не видя лица говорившей, Клот знал – незнакомка прекрасна. Девушки высшего света всегда прекрасны. Если же природа при их создании пожадничала на краски, их с лихвой заменит дорогая косметика, идеально подобранные духи, умение одеваться, говорить. Уступай одна из них в красоте самой симпатичной девчонке из окружения Александра, то все равно перевес останется на стороне незнакомки, как и перевес журавля над синицей. И, уж наверняка, появившись возможность броситься в небо за благородной птицей – бросится всякий. Не решаются от того, что парящая в синеве не дает шанс, не зовет за собой куцых воробьев.

Опасаясь наткнуться на клиентов, тем более в облачающей его рванине, Клот пробрался к противоположной стороне здания, спустился по запасной лестнице.

Вбежал в душ. Не замечая ни убогой раздевалки, ни давно требующих ремонта кабинков, Александр машинально сложил робу, взял шампунь и мочалку. Его взгляд проходил

сквозь грязные стены, останавливался где-то вдали, упираясь в светлое будущее. Приехавшие не давали покоя, будили зависть, подогревали впечатление, а главное, не скрывали, что и они тоже люди, что и они говорят, смеются, а значит, также могут слышать и видеть его, конечно, если он постарается. «Почему не взглянул на нее? Может, после отыщу..., какой голос! Неужели когда-нибудь я смогу ощутить близкое дыхание похожей девушки, услышать обжигающее сердце признание в любви, смогу касаться ее тела, и она не будет отстраняться, испытывая отвращение, а наоборот, ответит взаимностью, потребует близости...?»

Но и эти мечты являлись малой частью желаемого – все чаще в грезах рядом с женщинами, точь-в-точь как дома на плакатах в спальне и прихожей, то есть с которыми, только что встретившиеся и рядом не стояли, мелькало и его лицо. Он шел дальше: «К сорокалетию... Нет, долго. К тридцати пяти годам я добьюсь небывалых высот, соберутся целые стадионы в честь моего юбилея, даже песню напишу и, устало, не в силах отказать вопрошающей публике, исполню ее на всеуслышание. Девушки, струящие свою красоту с экранов, узнают о существовании Александра Клото, начнут мечтать о моем внимании. Мы поменяемся ролями, я стану недостижимой целью, загадкой, которой они сейчас видятся мне. Каждая из них сочинит песню, положив музыку на мои стихи. Во время исполнения строчки запыхают на стадионном табло ярким огнем. Это пламя уйдет в вечность, но не канет в нее, а займет там достойное место, и будет гореть до окончания времен. Меня будут помнить всегда. В домах культуры, на площадях возвысятся еще прижизненные памятники моему гению. Александр Клот... Мне и псевдоним не нужен, прекрасное созвучие...! Самые известные и богатые люди сочтут за честь пожать мою руку, на глазах у миллионов станут искать моей дружбы, не отворачиваясь, не стыдясь, а гордясь знакомством». Газеты назовут его величайшим творцом современности и он, если не превзойдет, то, по крайней мере, встанет рядом с авторами, у которых Клот уже не раз спрашивал совета, романы которых не пылятся на полках. Многочисленные общества писателей призовут вступить в их ряды, но он останется гордым одиночкой. Лита к тому времени уйдет, не поняв, не поверив, не дождавшись... Судьба сполна рассчитается с девушкой за предательство – заставит лить слезы, прозябать в бедности, проклиная себя и свое неумение рассмотреть, поддержать и немного подождать. «Сначала она предпочтет более богатого, а в итоге прогадает: избранник разорится, а после и сопьется...». А новые любовницы Александра, и сразу не одна, начнут трепетно ухаживать, беречь его гений, потакать малейшим прихотям. Ему уже не придется мечтать о других девушках, они и так будут другие, выполняющие любые его желания с полуслова, заглядывающие за этим полусловом ему в рот. Каждая вылетевшая из его уст фраза превратится в бесконечно цитируемую жемчужину... «А ведь они и сейчас спокойно живут, прекрасно выглядят, с кем-то общаются, но не со мной, меня они пока не знают, но точно ждут, такого настоящего, неподдельного, которого, наверняка, с девушкой не перепутаешь, в отличие от их нынешних мимолетных, иначе и быть не может, увлечений». Но отношениям, наполненным быстротечными ночами без обязательств, мешал физический труд и нищета – праздности дается полноценная любовь, так как живущими исключительно для себя заниматься больше нечем. Да и усталость тоже ни при чем – не главная помеха в удовольствиях. Какие радости можно испытывать при осознании своего ничтожества? Александр верил, что слава, любовь и, конечно же, свобода уже близко. Еще немного, и все будет именно так. «...Но достигнув высоты, я не испорчусь, прогоню высокомерие, останусь таким же, как сейчас, простым и скромным. Разве что грусти в глазах прибавится: повидал, познал... и не без последствий. Мудрость, сдержанность и аккуратность старика поразят мое тело. Люди заметят, как я несу невообразимую для других ношу, сколь сильные испытываю мучения от доступных одному мне знаний».

В спешке намыливая голову, нащупывая с зажмуренными глазами мочалку, Александр опрокинул бутылку с шампунем. Хорошая четверть густой жидкости отправилась в канализацию. «Все... Неделию придется одним мылом пользоваться. В противном случае до конца

месяца не хватит», – сделанный вывод на фоне недавно представляемых событий, мог довести до слез кого угодно, но подоспевшая злость спасла парня от отчаяния. «Такое экономить!» Вместе с шампунем сквозь решетку на полу просачивались и поугасшие мечты. Меркли пестрые краски, возвращалась настоящая жизнь, а вместе с ней и душевая, покрытая отваливающейся от стен плиткой, с неуклюже свисающими с потолка лампочками, ржавчиной на полу. Ненавистью и завистью одновременно поливал Клот тех, о ком мечтал, в чьи ряды хотел влиться. «Они живут недоступной, дорогой и красивой жизнью, а мне экономить», – уже не злясь, а грустя, он аккуратно закрутил пробку. Ведь, как ни горько, а экономить шампунь все же приходилось, как и спички, газ, электричество, еду и все, поддающееся экономии.

Не смотря на жгучее желание засесть за работу, менять планов Александр не стал – зашел в приветливые магазины. Карман и душу грели выданные мастером деньги. Купил новую цепь на пилу, пару понравившихся сувениров: глобус, металлическую флягу для коньяка, стеклянные фигурки рыб, порадовал себя очередной зажигалкой со встроенным фонариком, которой пользоваться не спешил, и газом не заправлял, хотя баллончик предусмотрительно приобрел. Клот оставлял все накопленное на лучшие времена, когда он не сможет испортить красивую вещь, замусолить ее на грубых физических работах. Ожидая звездного часа хозяина, каждый месяц очередной набор побрякушек летел в сервант.

Полюбовался электронным измерителем нитратов, пересчитал остаток зарплаты, проклял его космическую цену.... Еще хватало на резиновые, утепленные мехом, сапоги. Подобные покупки не радовали парня, но являлись постоянно отлаживаемой необходимостью. «После возьму. И так потратился». Вместе с карманом оскудела и радость. Экономя, Клот отказался от поездки в автобусе. Благо, спешить было некуда, а возвращаться домой не хотелось. Включив плеер, он побрел сквозь озябший, уставший от зимы город, вызывая в памяти очаровательных исполнительниц, вспоминая их клипы. Качество и смысл песен в расчет не брались, Александру больше нравилась та музыка, которая исходила от более сексуальной, более красивой девчонки.

Он снова впадал в мечты, не замечая того, ускорял шаг, все сильнее и сильнее сжимал холодный металл зажигалки, жестикулировал руками и морально готовился к всевозможным ситуациям в будущем: «...Как не выставиться глупцом, если красавица с микрофоном неожиданно уместится у меня на коленях, обнимет за плечи, коснется ресницами щеки? Что делать, как отвечать?» Александр придумывал, заучивал фразы для выхода из любой возможной неловкости, произносил их вслух, пока внезапно ни очнулся и ни устыдился своих наивных мечтаний. Пытаясь уменьшиться, стать невидимым, Клот сжался, страх, что кто-то подслушает его слова, а главное, мысли, не отпускал. Боясь выдать тайну, он продвигался вперед, как можно медленнее. Иногда останавливался, заглядывал в урны – вдруг повезет как в фильмах: «Ведь есть же на свете богатенькие дурашки: взял и выбросил толстую пачку денег. Психанул, и все тут...», для кого-то пустяк обеспечит мое существование». Во что, конечно, с трудом верилось. Нет, не в находку плотной, с особым запахом упаковки – это как раз возможно, а вот существование людей, имеющих такие деньги, к тому же потеря которых никак не отразится на их жизнях, ни займет и минуты мыслей, не вызовет сожалений – вот это казалось ложью. Так или иначе, он упорно заглядывал в мусорные бачки, разбросанные вдоль тротуаров города. Из той же оперы выкарабкивались надежды о тайном поклоннике его творчества, разумеется, весьма состоятельном, безвозмездно решающем все его финансовые проблемы. В свою очередь Александр обещал не жадничать и также помогать обделенным, но даровитым. Такие обещания непременно должны были услышать неведомые силы и добавить ему шансов на исполнение собственных желаний. Но, ни психованные дурашки, ни тайные почитатели не торопились входить в его жизнь и менять что-то к лучшему. Судьба вообще ничего парню не давала, хотя ничего и не отбирала. Александру ни разу не посчастливилось найти хотя бы мелкую монету, но он их ни разу и не терял. Все, оказывающееся в его распоряжении, все, на что он мог рас-

считывать, исходило из его же усилий. Именно благодаря нейтралитету судьбы, Клот в нее и не верил... Кругом маячили люди. Многим из них чертовски везло, другие захлебывались в хронических несчастьях, а он так и оставался на обочине, позабытый, не востребованный третьими силами, которые почему-то упорно его игнорировали.

Наконец, после нескольких часов утомительного путешествия показался знакомый проулок, ведущий к безымянной деревушки, коих в округе и не счесть. Столь резкий переход из города в нищету выгонял из головы Александра надуманные за дорогу глупости. Всего два шага отделяли роскошь величественных многоэтажек и огромных особняков от грязных грунтовых дорог деревни с раскинувшимися по ее краям приземистыми избушками. Летом еще ничего: буйющая зелень маскировала серость... Сейчас же вся ничтожность поселка, не уступающая в бесцветности хмурому небу, ничем не прикрывалась. Покосившиеся от старости кривые дома утопали в сугробах... Редко встречались обновленные металлочерепицей крыши, поправленные цветным кирпичом заборы – крошки красоты, требующие от хозяев долгих лет физического труда и скрупулезных финансовых накоплений, что делало постройки еще омерзительнее, еще явственнее кричащими о бессмысленности вложенных в них трудов.

Достав сигарету, проверив карманы и не найдя спичек, Александр свернул к ближайшей калитке. Идти до своего дома оставалось немного, но ему приспичило закурить прямо сейчас. После звонкого лая собаки, на пороге появилась хозяйка.

– Что?

– Подкурить, если можно...

– Во двор заходи. Не бойся, цепь у Цыгана крепкая...

Женщина вынесла коробок спичек и, поеживаясь от холода, направилась обратно в дом.

В своем собственном обиталище его встречали картины тех же красок и направлений – жалкие лачуги, угрожающие развалиться в самую неожиданную минуту, вряд ли поддающиеся ремонту и реконструкции, и это в то время как перед глазами вставали большие, прекрасные, не плачущие гнилью особняки, не помышляющие ни трескаться, ни разваливаться.

«Те, кому я строю, мой дом под снос бы определили». Как Александр ни старался любить свое маленькое убежище от мирских невзгод, выглядело оно весьма убого.

Около проржавевшей калитки дремал Гром. Из будки торчало несколько кошачьих голов. На нем самом, возвышаясь двумя белесыми клубками, устились несколько котят – так уютнее спалось всем. Не желая сгонять маленькие грелки, Гром приоткрыл глаза, едва шевельнул хвостом.

– Спи, спи, – согласился Клот с желанием друга не вставать, разрешил себя не приветствовать.

Оказавшись у экрана компьютера, парень долго всматривался в мерцающий курсор новой строчки – первоначальный порыв к творчеству остыл, а фантазию истожили праздные мечтания и интенсивная ходьба. Хотелось отдохнуть – почитать, послушать музыку, посмотреть любимые фильмы. «Зачем мне так много увлечений?» – вздыхал Александр, не зная, чему отдать предпочтение.

«Она ждет. Одна. Моя Лита. Ради нее я обязан пытаться. Другого мне не остается. Бросить все, признать невозможность нашего счастья? Сдаться?» Вспомнилось красивое лицо девушки, последний вечер, проведенный вместе. Комната наполнилась мертвым одиночеством, а сердце – жалостью к себе, по венам разлилась тёплая нежность.

«Нужно продолжать, больше негде заработать нормальных денег». Клот придвинулся к столу, достал записи. Вскоре он поймал себя на прочтении одной и той же строчки в третий раз подряд и не понимании смысла написанного. Глаза начинало резать огнем. Клот бросал вычитку, приступал к написанию нового, но и тут летел вперед, не вдумываясь, не останавливаясь. Александр уступал мысли порыву – без разбору выливал слова на бумагу. Дело продви-

галось. Напечатав страницу за пятнадцать минут, Клот удовлетворенно просмотрел готовый, по его мнению, к публикации текст. Взятый темп придавал сил.

«За страницу можно и перекурить, а лучше завтра продолжу». Сделав музыку погромче, Александр в приподнятом настроении направился в кухню. «Может, еще страничку? Нужно делать больше, быстрее, – скреблись в голове сомнения, но писать не хотелось. – Без того дел накопилось невпроворот, и потом время на творчество еще найдется». Да, добьюсь, непременно, а сейчас нужно ремонтом заняться. Положу пару квадратов плитки, заодно музыку послушаю», – уговорил себя Александр и, покончив с сигаретой, замешал клей. «Медленно, но уверенно ремонт-то идет», – подсчитал деньги, вложенные в стены. Выходило немало по его меркам. Воодушевленный достижениями, принялся за дело с удвоенной энергией. Сил хватило ненадолго. От усердного ползания по полу и перетаскивания тяжестей ломило спину, ныла шея. Александр все чаще устраивал перерывы, варил кофе, курил. Что-то понукало сесть за стол и продолжить рассказ... и в то же время он находил тысячи оправданий этого не делать, все, вроде бы, сходилось: «Устал, не выплусь, голова уже не способна на свежесть мыслей». Но и другое Я не сдавалось: «Отговорки, – твердило оно. – Так и вечность пройдет, а задуманного не исполнишь. Пиши!»

Походив по комнате, Клот уселся за компьютер, но думать никак не хотелось, и после первого же неумелого предложения самоуговоры подействовали, настойчиво доказав свою разумность: «Завтра. Времени всегда хватит, его иногда девать некуда», – убеждал Клот суровые портреты писателей, живущие на стенах, твердящие: «Завтра точно ничего не получится. Давай сейчас». Александр уже прислушался, почти сдался, почти решился пожертвовать нескромным количеством времени, как вдруг погас свет. Все решилось само по себе. «Ну, ведь никак», – расстраивался Клот, не зная, что улыбается.

Облегченно заныли натруженные мышцы. Чрезмерное переутомление не позволяло уснуть. Александр мучился, пока не зазвонил телефон.

– Деньги перевели! – бодрый голос Ивана и радостная весть приподняли Клота с постели. – Я тебе очередь занял. Давай скорее, иначе до завтра стоять будешь. Народу собралось... Я и не знал, что у нас столько работает...

– Бегу, – коротко бросил Александр, вскакивая с дивана.

Усталость испарилась вместе с плохим настроением. Но во время пути одно обстоятельство все же подпортило внезапную радость: на плеере сел аккумулятор. Клот не намеревался прогуливаться поздно ночью, а потому и не произвел ежедневную подзарядку устройства. Сейчас же хотелось слушать веселую, непременно жизнерадостную, хоть и бессмысленную музыку. Под нее в голове легче разворачивались сказочные картины, возрождались надежды на скорую будущность. Пока звучала музыка, он настойчиво перелистывал попадающиеся «песни о жизни», заставляющее прислушиваться к собственным чувствам.

– Ты что так долго? – Клот застал Ивана, уже опускающего деньги в карман. – Пошли, как бабки в школу, – усмехнулся напарник, продвигая Александра вперед. Над толпой пронеслось недовольное жужжание.

– Куда без очереди...?!

– Он здесь не стоял...

– Молодежь совсем обнаглела...

Клот, защищаемый Иваном, успел снять наличность и отойти от банкомата, так и не испытав обычных в таких случаях волнений, вынуждающих скуривать одну сигарету за другой, топтаться на месте или ускоренно щелкать семечки. Не состоялись и преобладающие в очередях опасения: «Вдруг на мне деньги закончатся? А если сейчас подойдут занявшие раньше, ненадолго отошедшие по делам? Может, найдутся и отталкивающие меня в край очереди...»

Пересчитав деньги, Клот присоединился к толпе уже получивших, на зависть окружающим, зарплату. Компания расположилась неподалеку от круглосуточного магазинчика, вмещающего в себя неиссякаемые запасы спиртного.

– Так, чего ты так долго? – поднося парню бокал пива, Иван повторил вопрос. – Кошка дорогу перебежала, круголя давал?

– Нет, я в такое не верю, далеко живу. Сам знаешь. Ладно, я пойду, назад еще топать... – сделав пару глотков и попрощавшись, Александр двинулся в обратный путь.

До его слуха донесся один из тысячи поржавевших анекдотов и дружный хохот рабочих. По пути Клот наткнулся на не ясно, для чего всегда открытый обувной магазин. Улыбнулся зажатой в ладони монете: «Орел или решка? Ерунда, какая», – так и не подбросив ее в воздух, заглянул внутрь. Сожалея, что в его краях не вечное лето, выбрал теплые, со слов заспанной продавщицы, непромокаемые сапоги.

Так как радоваться выходило больше нечему, добраться до дома оказалось нелегко. Трудный день, несколько сложных походов и столь стремительный забег к банкомату вытянули из него последние силы. Парень едва доплелся до компьютера, еще раз расстроился из-за невыхода нового эпизода про звезды и рухнул на диван. Перед самым забытьем голову посетила интересная мысль. Нужно было встать, записать, но лень. «До утра не забуду», – успокоившись таким решением, Александр погрузился в сон. Естественно, с рассветом от ночной гостыи не осталось и следа.

Глава 4

Утро началось как обычно со звонка Нины. На этот раз Александр с тревогой поднял трубку: воскресенье, и будить на работу его незачем.

– Привет, сынок, – радостные нотки в голосе матери успокаивали, – поздравляю с обновкой. Молодец, не поскупился. Мы с отцом половину суммы вернем, не сомневайся. . . . Ты салатницу так и не нашел?

– Нет, я приносил.

– Не все, двух длинненьких, с синими крышками не хватает. Поищи получше, мне же тебе обед некуда складывать.

Еще раз убедившись в разведывательных способностях матери, истоки которых Александр обнаружить даже не пытался, испытав знакомую пустоту, приносимую словами, поблагодарил Нину и положил трубку.

Сегодня утро выдалось холоднее обычного. Тем не менее, парень, увиливая от вчерашних обещаний, нашел, чем заняться: почистил во дворе снег, разложил по полочкам в сарае инструмент, починил поломанную будку. Хозяйским взглядом осмотрел унаследованную землю. Хотелось весны, тепла, времени, когда засаживают огород, радуются наливающимся на деревьях почкам, а вечером при поливе наблюдают оживление подвявших за день растений. Клот любил возиться в земле, любил, не смотря на жару, не смотря ни на что. С радостью копался целый день во дворе, переделывая сотни больших и мелких дел, доходя до физического бессилия и счастья одновременно, за что соседи часто расхваливали Александра. И не сыскать в округе тех, кто бы ни знал, что в этом доме живет трудолюбивый, упорный человек, нередко наставляемый в пример и укор другим.

Заработавшись до захода солнца и исчерпав возможность сделать что-нибудь еще, Александр уселся за написания рассказов, но вслед за светилом ушли и последние силы. День изнурительного труда, который он ненавидел не меньше Бальзака, но и бросить тоже не мог, оставлял плохой осадок. В итоге за письменный стол Клот попадал, когда с чувством выпяженного, едва держащегося на ногах животного, люди заваливаются спать. Обдумывать и планировать последующие шаги в творчестве он уже не мог, не говоря уже о способности оценивать качества написанного, зачастую измеряемого количеством выдавленных из себя слов: скупых, повторяющихся, несущих сплошную пустоту. Иногда погода вмешивалась в обстоятельства, и тогда Александр оказывался у стола в самое нужное, самое плодотворное время суток – утром. Тогда начинало получаться лучше, но перечитывать старое на свежую голову он боялся, справедливо предвидя уровень рассказов, написанных в полуобморочном состоянии. Свежая голова или нет, Александру все равно приходилось уговаривать себя писать, ведь всегда находились дела поинтереснее. В борьбе с ленью, взяв пример с великих авторов, Клот попытался определить минимальное время, ежедневно затрачиваемое на творчество. Уловка провалилась. Мучаясь, он досиживал до установленного времени, тратя большую его часть на перекуры и рассматривания пейзажей в окне. Вместо сюжетов воображение рисовало легкую, красивую будущность, и работе в ней отводилось немного, зачастую она виделась развлечением в периоды душевной скуки, задержек веселых встреч и праздников. Шел дождь или падали на землю прожорливые морозы, в любом случае Клот пытался найти хоть какое-нибудь занятие, позволяющее избежать сочинительства. Стоило проснуться и увидеть, что сама природа понукает его к делу, сразу портилось настроение. Толком Александр и сам не знал, чего боится, ведь начальства над ним не было, никто не мог заставить его писать, а значит, и осудить, и наказать за промахи тоже было некому. Не смотря на это, страх все равно не проходил, а настроение улучшалось при одной мысли, что скоро конец, что можно встать из-за стола и заняться. . . , да не важно чем, главное – встать и уйти от неслаженного, сыплющегося сюжета и деревянных героев, а затем

целый день чувствовать удовлетворение, что все-таки решился и писал. Если же выходило недурно, Александр сразу сомневался, его ли рукой написаны предложения. Возможно, кто-то сделал работу, пока он спал или витал в облаках. Клот до бесконечности прокручивал в голове написанное. Иногда из текста нечаянно вырисовывались выводы, о которых автор и не думал говорить, но радовало, что остальные непременно их заметят. Но и тут Александра подстерегал неясный трепет, запрещающий отправить выстраданные строки в журналы или выложить их на всеобщее обозрение в интернет. Решая: «Еще рано. С публикацией можно подождать», – и написанное тут же становилось прекраснее, озаряясь сказочным светом бездействия.

«Хоть бы кто позвонил, приехал. Скукотище», – время творчества в очередной раз успешно миновало, погода ухудшилась заперев Александра в доме, где, обойдя каждый угол, он не нашел, к чему придраться, что протереть или подправить. Ухватившись за идею о гостях, Клот сварил кофе, пережаренное, кислое, чересчур разрекламированное; сейчас черная бурда казалось вкуснее обыкновенного.

«Пригласить друзей. Посидеть». Забыв добавить холодной воды в чашку, он, не замечая, обжигал горло. Договорившись по телефону с приятелем о встрече, забежал по комнате: «В магазин скупиться, и тут до логического конца довести, – покосился на оставшийся со вчерашнего вечера подсыхающий в ведре клей, – на пару плиточек, но и ему пропасть не дам». Кое-как закончив с ремонтом, прихватил добрую часть оставшихся денег, отправился за угощением.

Завидев постоянного клиента, продавщицы недовольно хмыкнули в ответ на его тихое «Здрате». Девушки хорошо помнили вошедшего зануду и всегда ругались, выясняя, чья очередь обслуживать скрягу, придиру, которого нечего и думать обсчитать – олицетворение в одном лице всех, им яро ненавистных. «Каждую горошину обнюхает, а купит на копейку».

Вопреки их ожиданиям, сегодня Александр взялся удивлять, ему и самому пробудившаяся расточительность оказалась в новинку: накупил много и не из дешевого.

– Видно, дела у него пошли..., – выходя, услышал он за спиной.

– Ну?!

– На, пятерочку, – отправила одна из них в карман помятую купюру.

– Дай бог, не последняя....

Задержавшись на ступенях (а вдруг еще что приятное скажут), Клот случайно обратил внимание на фасад магазина. «Плитка в два раза дороже, чем у меня в ванной. Рабочих много, делают все за неделю; а я уже сколько вожусь, а все на месте, и не так ровненько, как у них получается». Не намечайся у Александра скорая встреча, он бы впал в отчаяние на несколько дней. Скрупулезно и хмуро продолжил бы ремонт, подмечая все мелкие недочеты, выражая постоянное недовольство, что, как правило, заканчивалось нервотрепкой, расстройством желудка и еще худшим результатом работы, с последующим начинанием ремонта заново.

До прибытия гостей оставалось несколько часов.

«Сварю кровати».

«Королевские» – тешило самолюбие название на упаковке. Помявшись, отложил спичечный коробок в сторону, подкурил от газовой конфорки. Специальным ножом, очень неудобным и отбирающим кучу времени, зато не срезающим и грамма лишнего, начистил картошки.... Поставил в морозилку вино.

«Черный предупредил, что будет не один и не с друзьями», – приятная дрожь от предвкушения новых знакомств пробежала по телу.

Александр взялся за веник, но в комнатах все блестело. Тогда решил устроить небольшой, строго спланированный беспорядок: набросал стопки книг и блокнотов на стол. «Заметят, обязательно спросят, чем это я тут занимаюсь». Вынул из укрытий то небольшое, что накопилось у него ценного: электронный переводчик, старый нерабочий принтер и несколько мобильных телефонов «прошлого столетия»; разложил все на подоконниках, ошибочно полагая, что

немного роскоши среди общей бедноты подымут его в глазах гостей, намекнут на состоятельность хозяина. Вспомнил о резервном куске мяса, поставил на плиту сковороду. Посомневавшись, вернул приготовленную спичку обратно в коробок, нашел горелую, и от уже зажженной конфорки воспламенил следующую. Затем от той же спички подкурил и, чуть не опалив пальцы, выбросил огарок в ведро. «Больше ею не воспользуешься».

Лай во дворе возвестил о прибытии гостей. Александр скинул с входной двери крючок, стараясь не шуметь, прокрался обратно в кухню.

– Сюда?

– Темно, ужас, – раздались сладкие голоса незнакомок.

Не успев представить их внешность, насладиться волнующим моментом, Клот поспешил на помощь.

– Ничего, я проведу. Осторожно, здесь яма.

– Меня не забудьте! – услышав про яму, забеспокоился мужской бас. – Сколько в ней кубов? – осмотрел Черный зияющую дверь в землю.

– Три с половиной.

– Вручную! Как у тебя терпения хватило? Я бы бросил.

На каменистых стенах выгребной ямы отчетливо вырисовывались рваные полосы от ударов кирки и лома. Вокруг высились глыбы разбитых, но все еще внушительных пластов сланца.

– Сколько мучился?

– Месяца два.

– Я бы бросил! Каждый день...!

– Соседи тоже не верили, что получится, особенно в первую неделю, когда начинал врываться, – усмехнулся Александр, вспомнив прохожих, непременно заглядывающих вниз. Каждому кортело спросить: «Сколько возишься? Для чего?» – и, получив ответы, сделать вывод: «Да зачем оно нужно, так копать?!» – что добавляло Александру сил действовать дальше, делало его сильнее других.

Сейчас это воспоминание, как и долгое рассматривание ямы, являлось чрезвычайно важным делом и вызывало у всех огромный интерес. Каждый подмечал или торчащий острый камень, срезанный перфоратором, или ночное насекомое, барахтающееся на дне, строили догадки, как оно туда попало и почему зимой. Всему придавалось первоочередное значение во избежание разговоров и мыслей о действительно интересных всем собравшимся занятиях, уже спешащих продолжить вечер.

– Да! – неопределенно протянул Черный.

Следом раздался неразборчивый нежный голосок, вызвавший у Александра желание вернуться назад, закинуть в петлю крючок: «Постучат, постучат и уедут». От глупости, как это ни странно, спасала темнота. По бетону постукивали две пары каблучков.

«Как на них смотреть, что говорить?» – волновался Клот, знакомиться доводилось нечестно... Разве что Лита. Да и когда это было, и то после года общения через интернет, когда уже в какой-то мере стали близки друг другу. А тут? За экраном не спрячешься. Не выставиться бы скучным нелюдем или, наоборот, балаболом. Александр, как и любой другой, хотел понравиться сразу. Часто при знакомстве первое впечатление сильнее доводов разума и после еще долго способно затмевать любые недостатки человека. Просто понравиться без далеко идущих планов, как все думают или как все самообманываются. Ведь стыдно заранее представлять то дальнейшее, для чего на самом деле собрались, а после уж легко – ничего не изменить, а значит поздно о чем-то сожалеть. Скрипнув, дверь поддалась, впустила в дом гостей.

– Здорово, домосед, – крепким рукопожатием поприветствовал Черный Александра.

– Привет, чёрный человек.

Сам-то черный был блондином, сегодня чисто выбритым, предпочитающим исключительно траурные наряды, за что и получил свое прозвище.

«Не побрился, забыл», – провел Александр ладонью по своей трехдневной щетине. Хотя на самом деле не забыл, просто в целях экономии пользовался станками раз в три дня, а прошло всего два.

Возясь со шнурками, приятель закрыл своей шкафообразной фигурой теснящихся позади девчонок.

– Пардонте! – догадавшись про доставляемые неудобства, он пропустил их вперед. – Вот. Вика и Евгения. В кафе познакомились....

Прихожая наполнилась сильным запахом духов вперемешку с кисловатым ароматом вина. Вздрагивая от холода, девушки пытались протиснуться вглубь комнаты.

– Привет, – бросила каждая из них, нагибаясь и снимая обувь, толи со стыдом, толи с завистью покосившись на плакаты конкуренток.

Александр, с трудом поборов волнение, выдал из себя ответное приветствие.

Поддерживая обеих за талии, Черный, улыбаясь во всю белизну зубов, делал Александру нескромные знаки, намекая, какая кому из гостей предназначена. Оставив на стульях верхнюю одежду, прошли в зал. Запах духов усилился. Рассмотреть Клот их не успел, но понял – обе красивы, а приятель не ограничился вином, а потому уже и чересчур навеселе. Да Черный другим и не бывал, за что носил второе, более обидное прозвище «Поддатый». В глаза его мало кто так называл – его физическая сила не таяла от постоянного потребления спиртного.

– Слушай, хватит конфеты жрать, – попытался Клот отогнать прожорливого нахала от вазы со сладостями и фруктами.

– А зачем ты их тут поставил? – откидывая десятый фантик в сторону, набитым ртом пробормотал Черный.

– Для красоты, конечно. Ну, одну-другую когда-никогда съели, так, между прочим, а не целенаправленно желудок набивать. У нормальных людей всегда такие вазы стоят, и никто их не разоряет....

– Ты бы поменьше телевизор смотрел..., – покончив с шоколадом, Черный аппетитно захрустел яблоком. – Это все равно, что водку в холодильнике держать. Долго она там продержится? Заведешь бар, так сопьешься, пока не опустошишь и на улицу не выйдешь.... Скоро хоть к Аксену на свадьбу, там наемся без нытья.... Ты про гулянку не забыл?

Махнув рукою, Александр бросил бесполезный разговор и уселся на диван подле телевизора. В рядом расположившихся девушках, как и в нем самом, чувствовалась некая смущенность, торопливость в движениях, угадывалась обрывочность взглядов. Положение поспешило исправить спиртное. Стеснение таяло, разглядывание друг друга переходило в наглость, а ответные взгляды выдерживались без опускания глаз.

«Всегда так сразу, – отвлеченно молчал Александр, больше не опасаясь показаться невежливым. – Загадки, интерес – узнаешь одно и то же..., а после еще начинаются капризы, недовольства, приходит ощущение тысячелетнего знакомства. Скучота! Но не сейчас! Не в первые встречи. Каждый раз ждем, а вдруг не так, как обычно, вдруг что-то особенное; но какое там особенное, если сам обыкновенный».

По мере того, как в голове нарастал гул, разговоры становились громче, а шутки и смех бесстыднее, провалы в памяти Александра все чаще и быстрее чередовались с невероятно тонким и ясным пониманием происходящего. Он познавал суть самых отвлеченных вещей, о которых трезвый и не думал задумываться. Как ему ни хотелось отдаться хмельному течению мысли, а нашлось, что посмотреть – интересные идеи откладывались на после. Клипы, клипы – шикарные один за другим. Знаменитости, дорогие машины, красивые женщины.

«Если продолжу бездельничать, ничего мне не светит», – полились старые мечты о возможных знакомствах. Красота на экране, манящая роскошь вызывали зависть, будили тщеславие и чувство собственного ничтожества, так как все не для него. «Но они ведь тоже люди. Женщины их родили, в конце концов, не дети богов. Едят, спят, и мелочности в жизни хватает.

Но кто ее видит? Не выставляют напоказ житейское, оно есть у всех, но никому неинтересно. Вот Виктория, осмотрев мою ванну, ничего не сказала, да и не присматривалась она, а просто попросила показать, где... Ей не интересны ремонты, что говорить о тех... на экране!?»

В программе среди «козырных», продолжая портить праздник, мелькали и писатели современности, забирающие принадлежащее Александру. Входили в привилегированное общество и красивые молодые романистки, поэтессы.

«...Шикарный отдых, многоэтажные виллы...», – продолжал программу ведущий, поднимая в парне горькую желчь. Александр пробежал взглядом через свои комнаты, искал хоть что-то стоящее, достойное восхищения. Глаза то и дело натывались на темный экран компьютера, выглядывающий из-за шкафа. Там в нем заключалась возможность стать наравне с ними, заявить о себе, возможность, во имя пустяков так грубо отлаживаемая Клотом на потом. Все, чем он владел, не шло и в жалкое сравнение..., скорее, вызывало стыд, а не зависть окружающих.

«Двумя ноготками текст набирать успевают. Я десятипальцевый набор специально освоил... Так чего же?» – как он и ожидал, про работу говорилось немного, все больше о благах, ею приносимых, что свидетельствовало о легкой жизни творческих людей.

Вскочив с дивана, Клот заметил на полках корешки книг своих извечных собеседников.

«А вы, что жили впроголодь? При жизни – ни известности, ни денег, ни почета? Для чего писали? Не могли добиться сразу?»

Фото великих предшественников, покрытых пылью времени, никак не походили на лица современных художников: ни лоска, ни красоты, ни удовлетворения; наоборот, все больше мучений, переживаний, необъяснимой боли и страданий. Гонением, порою даже голодом рыдали выцветшие портреты, отвечая:

Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжато,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник в Рязане мне.

С. Есенин

Эти слова не являлись воспоминаниями ранее прочитанного, вовсе нет. Александру не приходилось прилагать усилия и вызывать стихи в памяти, он попросту слушал.

«А эти все в дорогих украшениях, побрякушках; зачастую писатели, и бизнесмены одновременно».

И снова клипы с красавицами – беленькими, без изъянов на лицах и телах. Александр ощущал их физическую чистоту, верил, что они ждут его, примут с радостью, и он станет таким же блестящим, без лишних заморочек.

– Очнись, чего ты? – смеющаяся Виктория приглашала Клота танцевать.

Обнимая ее тонкую талию, ощущая упругую грудь, Александр продолжал думать о своем, не замечая разгоряченной женщины, хотя и пристально ее рассматривал, правда с другой целью, вовсе не той, о которой думала наивная девушка. И пусть Виктория была трижды прекрасна: стройна, нежна, с огромными серыми глазами, зовущими любить, он ощущал на ее ладонях маленькие бугорки мозолей, вдыхал щедрое количество дешевых духов, не справляющихся с задачей – от нее все равно тянуло кисловатым потом. Свежесть юного лица омрачала рабочая усталость, преждевременные морщинки и другие мелкие недостатки, чего не находилось у тех, к которым стремился Александр, у тех, чей запах дурманит голову и никакие

духи не способны соперничать с ароматом их чистых тел, не знающих физических усилий, домашней нервозности... Простуженная хрипотца в голосе, грубоватые выражения, дешевизна одежды, неумение толком краситься – сейчас только этим обладала Виктория в его глазах. Александр жаждал большего, нежели жизни, время от времени подбрасывающей ему девушек-второсортниц, с одной из которых он сейчас танцевал.

«Да и не танец у нас, а так, неслаженные телодвижения, трения друг об друга для разжигания животной страсти. Завяжись с ней всерьез..., дальше хуже. Сплошные скандалы – мало зарабатываешь, не туда тарелку ставишь, не так зубы чистишь..., а еще бросит следить за собой, превратится в неряшливое, вечно ворчащее существо».

Клот испытывал отвращение к Виктории, кажущейся ему почти чудовищем. Еще немного, и он бы грубо оттолкнул ее от себя, но музыка вовремя оборвалась, удачно их разъединив.

Не обращая ни на кого внимания, Черный приставал к Евгении и та отвечала взаимностью.

– Прикольная зажигалка, – наконец-то оторвался приятель от губ Жени, повертел в руках недавно купленную Александром побрякушку.

– Забирай, – бросил Клот.

– Прелесть! – следом загорелись глаза у его подруги – ей подвернулся брелок в виде маленькой белочки.

– Забирай! – расщедрился Клот, не желая отвлекаться от мыслей ради каких-то белочек.

Еще пара рюмок спиртного, выпитых одна за другой, кардинально изменили мировоззрение парня. Увиденное на экране смазалось, превратилось в невозможное. «Здесь, со мной за столом такие же, как я – они реальны, это настоящее. Другие не могут существовать так же, как и мне никогда не получить уведомления о принятии моей рукописи и выплаты за нее гонорара. Деньги? За что? За писанину? За сидение на стуле? В то время как другие в мороз и зной, копошась в грязи, добывают копейки. Ни у кого не может быть таких богатств, а ведущий программы – сумасшедший. Кто видел состоятельных бездельников? А их работу иначе не назовешь. Слышим о них часто, но и про золотую антилопу знаем с детства».

Жизненный опыт, усиленный рабской привычкой, превращал транслируемых по телевидению особ в иллюзию большого разума, помешательство, опасную болезнь.

– Пойдем, – увлекла Виктория его за собой в спальню, оставляя зал в распоряжении второй пары, чем та не замедлила воспользоваться.

Александр пришлось отложить дорогой телефон Черного и прекратить создавать видимость усердной переписки посредством смс. Нехотя он начал отвечать на ласки Виктории...

Ночью Клот проснулся от жуткого воя во дворе. Встав с постели, накинул на плечи халат, посмотрел на спящую рядом девушку.

«Нет, не измена. Я ее не люблю, она не Лита», – хмель успел выветриться из головы, но, не смотря на нелюбовь к Виктории, в душе поселилось нечто гадкое. Он знал, оступись подобным образом Лита, ему бы, вряд ли, понравились такие оправдания.

Страшные звуки разрывали округу – так воют по покойникам. Александр поспешил выйти на крыльцо. Гром, не замечая хозяина, продолжал свое дело, вытянув шею по направлению к огромной луне, безобразно выпирающей на безоблачном небе. Ярко-красная, она предвещала страшное. Овчарка, оцетинившись, распевала на все голоса. Становилось жутко.

– Тихо приятель.

Услышав знакомый голос, пес повернул голову. Взъерошенная шерсть медленно легла на мускулистое тело. Из-под кустов поблескивали глазами перепуганные коты.

– Ложись спать.

Гром послушно загремел цепью в направлении будки. Следом потянулись примирительно мурчащие квартиранты.

Усевшись на крыльцо, Клот закурил. Сон разогнал мистический страх. С неба срывался редкий, но крупный снежок, луну затягивало пеленой. На смену Грому, со своим репертуаром, поспешила ночная птица. Ее уханье умиротворяло. «На филина не похоже», – Александр попытался разгадать полуночного артиста, определить направление его сцены – безуспешно. Птица все пела и пела, оставаясь неизвестной, наполняя душу приятным теплом, неся странную надежду.

«Добьюсь. Это мне знак, все получится».

Пробираясь сквозь темноту, Александр наткнулся на всякие мелочи, разбросанные по залу. Дорога в небольшой «кабинет» лежала мимо спящих на диване.

«Желательно никого не потревожить. Еще дурацких вопросов не хватало».

Парень хотел почета и уважения, признания благодаря творчеству, но еще больше стеснялся своих увлечений. Ни разу ни один намек не слетел с его языка, ничто не выдало позорящей тайны. В привычной среде Клота подобные занятия награждались насмешками, а у парней, и вовсе, считались проявлением женственности. Не стоило говорить и о любви к книгам, если не готов услышать пренебрежительное: «Куда этот буквогрыз пошел?» Но, если все же уличат за чтением, необходимо соврать и свести позор к минимуму: «Одну в год читаю». Тогда брюзгливость открывателя тайн сменится удовлетворением – признает в тебе брата: «Ну, а что? Если книжка хорошая, то можно удовольствие растянуть», – согласится благодетель. Как ни печально, а среди знакомых Александра почетно было выпучивать свое невежество и в то же время поучать детей: «Не забудь про уроки, а то будешь, как я мешки таскать», – слышишь гордые замечания родителей, но не о пользе знаний. Твердящие ложь прекрасно понимают – учишься не учишься, а похожее происходит от подобного, и сыну воротилы мешков уготовано то же самое, но все равно твердим и поучаем, ведь так принято, иначе, зачем когда-то сами выслушивали наставления отцов. А случись таланту вырваться из грязи, он сразу превращался в глазах уже бывших коллег в слабака, боящегося работы, хлюпика, и обязательно, как ни парадоксально, в необразованного глупца. Чего уж там писать или читать, признаться, что пьешь кофе, страшно – буржуем обзовут, рабочий класс обязан баловаться чифирком.

«Возможно, это на поверхности, и у каждого есть свой тайный мир, как у меня. Наверняка, за пошлыми шуточками, пьянством и руганью скрываются настоящие люди. Но почему мы стесняемся показать себя, презираем все возвышенное? Как, наверное, приятно не скрывать благородных порывов и получать в награду похвалы, а не упреки».

...Прислушиваясь к мужицкому храпу Черного, Александр ступал все уверенней до тех пор, пока больно не кольнуло в ногу. Сдерживая стоны, он наклонился, вырвал из ступни застезжку бюстгальтера.

«Разорвал он его, что ли?»

На его ругань отозвалась близкая возня, невнятное бормотание. Перевернувшись на другой бок, приятель загудел, закашлялся и снова захрапел.

«Да, такого разбудишь».

Не удержавшись от соблазна, Клот еще раз внимательно изучил телефон Черного. «Себе бы такой, да где уж там, хотя бы системный блок в ногу со временем обновлять». Как можно аккуратнее положил трубку на место. На всякий случай отодвинул от края маленького столика опустошенную вазу с фруктами, теперь наполненную обертками конфет и огрызками.

Откинувшись на спинку стула, Клот переложил со стола на подоконник так никем и не замеченные книги, задернул шторы. «Булгаков, Достоевский, Некрасов», – просвечивались сквозь ветхую ткань фамилии писателей.

«Как вам-то удалось? Подскажите путь к пьедесталу рядом с вами».

Наобум взял первый попавшийся роман, открыл также наугад. Слова, мысли – ничего лишнего – все ясно и понятно.

«Талант или упорная работа? И что сподвигло начать? – выпытывал Александр у молчаливых, суровых на вид собеседников, не догадываясь об имеющейся у него особенности, без чужих советов двигающей его к цели, а именно: обладание ни сносной, ни среднестатистической, а совершенно нестерпимой жизнью. Совместимость несовместимого всегда имеет неожиданный и интересный результат. Ну, разве кого удивишь журналистом или философом, написавшим книгу? Другое дело, если это удастся человеку, оторванному от высокой культуры, малообразованному, с пагубным окружением. Из-под таких рук выходит нечто живое, непохожее на все остальное, нечто стоящее, опять-таки, в противоположность знающим чуть ли не с пеленок все правила искусств и строго их придерживающимся, а потому создающим что-то среднее, малозначимое, а зачастую вообще непонятное большинству людей. А главное, рожденные для искусства, так им, во всяком случае, говорят, воспринимают творчество как обязанность, от которой любой человек всегда хочет улизнуть. Лишенные права выбора не сомневаются, чему посвятят свои жизни. Средства, почет прилипают к ним вместе с наследством, им незачем усердствовать, стараться: как написал, так и сойдет; а не издадут – бог с ним, с творчеством; вокруг изобилие интересного. Александру же никто не советовал, не помогал, не учил, но самобытность, жившая у него внутри, просилась наружу, требовала, чтобы о ней поведали миру.

Желая познать тропы известных классиков, Клот в очередной раз бороздил сайты, изучая биографии, дневники и привычки великих, попутно внося в закладки попадающиеся обзоры электроники: плазменные телевизоры, видеокамеры, фотоаппараты...

Что толкало людей к творчеству, биографы не знали, но зато благодаря им Клот понял, отчего боится писать – страх не справиться и неспособность себе в этом признаться: «А вдруг не получится и придется начинать сначала? Как быть, если предложения не связаны, абзацы, да вся книга?»

Александр бродил, уподобившись маленькому мальчику в темной пещере, испытывая чувство щекотящей, прилипчивой жути, известное всем заплутавшим: «Может, нет выхода, и я обречен остаться в вечной темноте!» – наваливается отчаяние, но, когда из-за угла вспыхивает дневной свет, радостная надежда переполняет душу, и не найти в мире счастливее спасенного. Сегодня Александр понял главное, а значит, увидел свет: рано или поздно ему придется отправлять рассказы в редакцию. Их будут читать, беспристрастно оценивать, выискивать недочеты, а значит, пора прекратить играть словами и писать в стол, пришло время упорной работы: многочисленных вычиток текста, бесконечной правки сложных предложений, неудачных фраз. То есть настал момент, превратить безделье в тяжелое бремя, противную обязанность. По пути к успеху не оставалось больше места удовольствию. Запрещались примитивные отговорки о закончившихся чернилах в картридже принтера и нехватке средств на его заправку – помимо бумаги существовал экран компьютера. И нет причин останавливать процесс. Увиденный свет вскрыл настоящую глубину, разделяющую парня от намеченной цели. Представлявшийся вначале легким путь оказался полон скрытых препятствий. Становилось очевидно: или бросить бесцельно бродить по вымышленным мирам и заняться всерьез..., или бросить писать. На минуту Александру захотелось выбрать второе, легкое, но он уже перешел черту невозврата, копнул глубже, чем следовало. Ведь осознание дальности расстояния – это уже половина любого пути.

Оторвав кусочек газеты, записал первую памятку: «Слушать, как говорят люди, запоминать везде и всюду, в фильмах, на улице, в очереди за хлебом, по пути на работу..., прислушиваться к диалогам. Научиться правильно слышать».

Не успел Клот дойти до абзаца в рассказе, как добавился еще клочок бумаги с новой пометкой: «Убирать лишние слова, выработать сдержанность в стиле, вычеркивать ненужные, не несущие нагрузки, повторения. Избавляться от мешающих восприятию главного, оттягива-

ющих на себя внимание фраз. Оставляя исключительно то, что после сыграет определенную роль, без чего посыплется текст».

Вскоре обрывков бумаги с подобными записями у него накопилась уйма. Клот очнулся, активировались не желающие униматься, непрерывно лезущие в голову мысли. Толпящиеся, кричащие, они требовали к себе внимания, боялись остаться забытыми, не давали развивать сюжет. Рядом с клочками записок, лег огромный блокнот. В него вносились внезапно пришедшие фразы, отдельные слова, до поры до времени их незачем было держать в голове.

Незаметно для себя Александр ступил на дальние дороги, оставив позади мечты и страхи. Ни критиков, ни сайтов он больше не боялся. Клот начал понимать, о чем знаменовал ему отец – прозрачные слова несли великий тайный смысл.

«Пой песню поэт, пой...», – чуть заметно шевелились его губы и уже куцый рассвет заглядывал в промерзшие окна.

Глава 5

– От старости ведь хочешь умереть в постели? – настаивал Иван, продолжая горячий спор, начало которого напарники уже забыли.

– Это как? С уткой под кроватью? Нет, спасибо. Наслаждайся свободой, небо вон. Природа. Благодать.

«Коли». Отлично! Надо не забыть».

– Какая ж это свобода?! Нет ее здесь и в помине, и близко с нами не стояла. Ты вот попробуй опоздай на лесопилку.... Не здесь она свобода. Не здесь.

– Можно подумать, ты знаешь, где?

– Знаю. Кажется, знаю, – отражаясь в зрачках воспоминаниями, вспыхивали фары паркующегося у строительной площадки автомобиля, оживали беззаботные голоса у лифта.

– Ошибаешься, – уверенная интонация Ивана намекала, что он в курсе увлечений Александра.

– Ты-то откуда знаешь?

«Уж не подглядывал ли. Иногда в блокноте при нем кое-что записывал».

– Приятель у меня был....

– Куда девался?

– А нету. Представился, царствие ему небесное, в прошлом июне. И ты помрешь, если не остановишься.

Клот прикинул в уме месяца, путая местами Июнь и Июль, сосчитал их на пальцах – Иван ни о каких похоронах в обозначенный месяц не упоминал, никуда не отпрашивался.

– Думаешь, я ничему не учился? Думаешь, мне не говорил, мол, ты ешь, пьешь, развлекаешься и считаешь это жизнью, и что это неправильно, что она где-то глубже, под вершиной айсберга. Я верил, а теперь знаю: нет под этой вершиной ничего. А ты просто устал или боишься работы.

«Может, он прав, может, нечему прятаться и некуда. У меня есть другая жизнь. Ну и где же она? Кто ее видел?» Александр чуть не выдал свою тайну, но сдержался, слова не успели сорваться с языка, но мысли не остановились: «И все же вовремя я начал писать. Как раз в момент ясности, когда понял бессмысленность и однообразие отведенных мне ролей, да и всем остальным тоже. По сути, все люди похожи: делаем одно, говорим и думаем так же. Всего-то различий: вон Иван папиросы курит, а я сигареты.... А пойми я всю серость своего положения, не имея надежды, наверняка, смерть: только самоубийство явилось бы утешением».

– Если человеку не работать, то чем заниматься? – поймавал Иван губами, после небольшой паузы.

– В том-то и дело – ничем!

– Как так?

Александр лишь хмыкнул, лениво берясь за пилу. В кармане завибрировал телефон, не позволив завести инструмент.

– Да, – он теперь почти всегда говорил «Да», отметив в «Алло» какую-то наивность.

– Вам по умолчанию рассчитан кредит. Можем перечислить на зарплатную карту, – раздалось в трубке. – Интересно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.